

ДЖЕННИ ХОЛЛАНДЕР

ВСЕ,
КТО МОГ
ПРОСТИТЬ
МЕНЯ,

МЕРТВЫ

В ПЕРЕВОДЕ НАДЕЖДЫ ВОЛКОВОЙ

Дженни Холландер Все, кто мог простить меня, мертвы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73132953
Все, кто мог простить меня, мертвы: Дом историй; 2025
ISBN 9785005808783*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Безупречная репутация. Совсем не безупречное прошлое...

Девять лет назад имя Шарлотты Колберт гремело на всю страну. Она была не просто очевидицей кровавых происшествий в элитном университете – печально известного Багрового Рождества, – она была в самой гуще событий. И предпочла исчезнуть после.

Сегодня у Чарли есть все, о чем можно мечтать: пост главного редактора в модном журнале, помолвка с наследником династии, безупречная репутация. Но когда бывшая однокурсница решает снять провокационный фильм о Багровом Рождестве, идеальный фасад начинает трещать по швам...

Теперь Чарли готова на все. Даже на предательство и жестокость. Ведь она слишком далеко зашла, чтобы позволить прошлому разрушить ее новую жизнь.

Содержание

Пролог	6
1	8
2	18
3	31
4	44
5	59
6	76
7	89
8	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Дженни Холландер

Все, кто мог простить меня, мертвы

EVERYONE WHO CAN FORGIVE ME IS DEAD

© 2024 by Jenny Hollander This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency.

© Волкова Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй», 2025

© Макет, верстка. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2025

* * *

*Посвящается Джин Вилли, самой чудесной
крестной, чудеснее, чем в сказках*

Пролог

КАБИНЕТ ДОКТОРА НАЗАРИ, СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Те, кто был там или притворялся, что был там, сходятся в одном: пресса все обставила не так. На самом деле эта история куда сложнее.

Журналисты утверждали: *Шарлотта Колберт не пострадала*. И это правда. Пока остальные лежали в операционной или уже в морге, я была в душе, смывала их кровь с шеи и плеч. Их вынесли, я вышла сама – точнее, судя по фотографиям, два фельдшера вывели меня под руки.

Но я этого не помню. Собственно, потому я и здесь.

Они писали: *Ничто не предвещало беды*. Это тоже правда, но только если вы не знаете, на что нужно обращать внимание. Я не знала. Господи, мне было двадцать три, я была наивна и по уши влюблена. Я ни черта не знала.

Они с наслаждением смаковали подробности: кровавые отпечатки ладоней на белых стенах, хруст, с которым тело – тела – ударялись о землю. Заросли плюща, обвивающего столетнее здание. Правда. Правда. Правда.

(Треклятый плющ вообще ни при чем. Да и вся эта исто-

рия совсем не об убийстве, ведь так? Не для прессы. Им бы только писать про золотую молодежь, прелестные голубые глазки и шестизначный счет Школы журналистики университета Кэрролла. Число погибших – всего лишь бонус.)

Иногда они писали: *Шарлотта Колберт, жертва*, а иногда – *Шарлотта Колберт, выжившая*, будто не могли определиться.

Первое, что вам следует знать, доктор Назари: все это неправда.

СЕЙЧАС

Без паники. Эти слова я повторяю как мантру.

– Шарлотта, судя по отзывам читателей, нам нужно больше полос, – говорит Уолтер Монтегю, шестидесятипятилетний глава «Кроникл».

Делаю глоток воды, прежде чем ответить: я взяла на заметку совет из нашей майской статьи о том, как оставаться спокойным на работе. *Не отвечайте, пока не будете точно знать, что скажете,* – так советовал наш коуч.

– Можем ли мы рассчитывать на увеличение финансирования? Как вы знаете, я бы с удовольствием усилила нашу команду по фактчекингу. А еще один старший редактор...

– Нет, – говорит Уолтер. – Может, в следующем году.

– Сколько именно полос вы хотите?

Я слышу в своем голосе нарастающие нотки британской чопорности. Я давно заметила одну вещь: чтобы подавить американцев, нужно косить под британскую королеву – чем больше, тем лучше.

– Шестнадцать, – спокойно отвечает Уолтер.

Черт.

– Уолтер, как вы знаете, у «Кей» небольшой штат. – К сожалению, Уолтер знает еще и то, что, если он прикажет мне прыгнуть, я спрошу, как высоко. – Я бы с удовольствием увеличила количество полос. У команды отдела моды есть несколько великолепных идей относительно грядущих съёмок. – *Грядущих?* Полегче, Чарли. – Однако при наших нынешних возможностях я не...

– Шестнадцать полос, – повторяет Уолтер. – С третьего квартала. – Он смотрит на часы. – Мне нужно идти. Шарлотта, как всегда, был рад встрече.

Лично я никогда не была рада встречам с Уолтером, ставшим главой корпорации два года назад, после смерти его отца. Меня же в то время только назначили главным редактором «Кей», воскресного приложения к «Кроникл», входящей в четверку крупнейших газет страны. Уолтер пригласил меня на ланч и, брызжа слюной, стал рассуждать о «старых добрых временах», когда «мужчины могли быть мужчинами, а женщины – женщинами». Я улыбалась во все тридцать два, терпела, пока он «грел» мои руки в своих, но не позволила ему зайти дальше. Именно тогда он впервые потребовал от моей команды больше полос: больше полос – больше рекламы, больше рекламы – больше денег, для него это так же просто, как заказать лосося.

Я целую его в обе щеки. Этой уловке я научилась, когда переехала в Нью-Йорк девять лет назад. Такое поведение смущает и обезоруживает американцев.

– Надеюсь, вы прекрасно проведете время в Куршевеле. Передайте Лианне привет от меня.

Как только он уходит, я падаю в кресло рядом с Алисией, моим шеф-редактором.

– Он что, *издевается*? – Ко мне возвращается мой британско-нью-йоркский выговор. – Еще шестнадцать *полос*? Мы и так еле справляемся.

– Можем выжать еще четыре из «Путешествий». – Алисия достает свой «Смитсон» и что-то записывает. – Можем растянуть раздел с подарками на весь четвертый квартал... Но нам придется придумать что-то новое к январю.

– Господи. – Я разглаживаю брюки и встаю. – Можешь подключить Кристин и Миру, когда поднимешься? Я буду минут через десять. Или пятнадцать.

– Будет сделано. – Алисия указывает на лифт наманикюренной рукой. – Ты ведь не пойдешь по лестнице, да? Тут же двадцать этажей.

– Ну и прекрасно, – говорю я, – лучше кофеина.

* * *

Нет, это *не* лучше кофеина. Я взмокла, я в отчаянии, а еще – мне страшно. На лестнице никогда никого нет, и только мои каблуки цокают по ступенькам. Моя команда видит в этом причуду успешной женщины: *Ты же знаешь Шарлотту, она из чего угодно сделает тренировку!* Вот он, образ,

создаваемый годами: суровый босс, который работает усерднее всех, уходит позже всех и требует от своих сотрудников полной отдачи. Иногда переполненные энтузиазмом стажеры или новенькие редакторы поднимаются со мной по лестнице, используя мою привычку как предлог для разговора тет-а-тет, но надолго их не хватает. Слава богу.

Я останавливаюсь, чтобы отдышаться, роюсь в сумочке от «Шанель», пытаюсь найти супердезодорант, который ношу с собой именно для таких случаев.

Я уже много лет хочу избавиться от боязни лифта. Нур, мой психотерапевт, говорит, что преодоление травмирующего воспоминания начинается с десенсибилизации: сначала ненадолго зайти в лифт, не давая дверям закрыться, в следующий раз проехать один этаж. Но в лифте я всегда кого-нибудь встречаю. Я работаю в «Кроникл» с тех пор, как закончила Кэрролл, здесь я знаю всех. И даже если я кого-то не знаю, *меня* знают все. Я выделяюсь из толпы благодаря своему прошлому, профайлу¹ на сайте «Форбс» и деловому костюму, которому никогда не изменяю (темная рубашка и черные брюки: могу пролить на себя все что угодно, никто не заметит). Иногда я говорю себе, что можно было бы попробовать терапию с лифтом в субботу. Но я так ни разу и не попробовала.

С другой стороны, у меня крепкие ноги.

¹ Профайл – здесь: статья, в которой указаны профессиональные достижения человека, а также его качества и характеристики.

В моем кабинете на восемнадцатом этаже ждет Мира, глава отдела «Путешествия», этакий кудрявый ураган. Она может свернуть горы, но только если будет уверена, что вся слава достанется ей. Не могу поверить, что Джули, моя помощница, разрешила Мирае зайти ко мне в неназначенное время. Нам придется еще раз поговорить о том, кого и когда пускать в мой кабинет, *Джули*.

– Еще четыре *полосы*? – спрашивает Мира, как только я вхожу. – Шарлотта, это просто безумие. С третьего квартала? Даже не знаю, с чего начать.

Я сажусь и жду. Я уже работала с такими людьми, как Мира, и знаю, как вести себя с ними. Жаль только, что во время разговора передо мной не будет чашечки чая.

– Это просто невозможно, Шарлотта! – Мира начинает ныть. – Ты *знаешь*, какой у нас низкий бюджет на съемки. Артовая съемка никогда не дает достаточно эффектной картинки, и часть текстов, с которыми мы работаем...

– Я слышу тебя, Мира, – говорю я. (Этому приему меня научил мой первый босс в «Кей»: сначала «Я слышу тебя», затем многозначительная пауза. Каждый раз срабатывает.) – Конечно, это непростая задача.

– Да, – жалобно говорит Мира. – Просто...

– Полагаю, у нас назначена встреча на среду. – Для большего эффекта я щелкаю мышкой и смотрю на экран, будто просматриваю свой календарь. Компьютер даже не вклю-

чен. – Я бы хотела услышать твои соображения насчет того, как мы можем заполнить эти полосы. Я знаю, мы справимся.

Мира продолжает смотреть на меня.

Господи.

– Я знаю, это в наших силах, – повторяю я. – И рассчитываю на тебя.

Вот оно. Лицо Мира смягчается: она уже почти готова согласиться.

– Спасибо, – говорит она. – Ты права. Мы ведь всегда справляемся, не так ли?

Она старается строить фразы на британский манер. Интересно, понимают ли люди, что они коверкают британский английский, когда пытаются произвести на меня впечатление? Даже не знаю, это меня раздражает или скорее забавляет.

После ухода Мира я включаю компьютер и проверяю входящие. Джули разделила мои письма на папки: «Срочные», «Приглашения» и «Игнорировать».

Первое в «Срочных» – письмо от Джордана Форда. Тема: «Кое-какие новости».

– Джули? – зову я, мой голос слегка дрожит. – Можно чашку чая?

Электронные письма – это его новая фишка. *Привет, Чарли* – так начиналось первое, отправленное чуть больше двух лет назад. Я почти слышала, как он это говорит, как раскачивает *p* в моем имени. *Я пойму, если ты не ответишь*, – утверждало второе. – *Надеюсь, с тобой все в порядке.* Потом

вежливые поздравления с назначением на должность главного редактора и... Что там было последним? Боже. Восьмая годовщина. *Дермовый день*, – написал он, но вообще он должен был догадаться, что я не отвечу и на это.

Навожу курсор на его имя. Даже не замечаю, как кликаю по нему, но вдруг письмо открывается.

Привет, Чарли.

Не думаю, что ты читаешь мои письма. Поэтому. Привет, помощница Чарли. На этот раз Чарли должна прочитать письмо, оно про Кэрролл.

Входит Джули с чаем. Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь про письмо – как Джордан посмел заговорить о Кэрролле с моей *помощницей*? – но почти сразу же закрываю его, так и не найдя слов. Меня это бесит. Я еще *никогда* не теряла дар речи на работе. Неужели мой бывший всю оставшуюся жизнь будет ходить по пятам за новой, к-счастью-все-пережившей версией меня?

– Спасибо, – бормочу я Джули, но она уже закрывает дверь.

Я видел Стеф вчера вечером. Она говорит, что пришло время внести ясность. Ее слова, не мои.

Я обхватываю кружку ладонями. Она невыносимо горячая, как я люблю. Фарфор обжигает пальцы. Мне легче, но ненамного.

Она хочет снять фильм. «Основано на реальных

событиях» и все такое. На десятую годовщину. У нее уже есть киностудия и контракт с режиссером.

Я представляю себе актрису – энергичную и неловкую, какой была я в двадцать три: она сползает по стене маленькой комнаты, она в шоке, ее глаза широко раскрыты. За кадром кричат: «Снято!»

* * *

Стеф говорит, что все мы должны в этом участвовать. Говорит, это и наша история тоже. Она довольно серьезно настроена – думаю, из-за того, что случилось с Кейт.

Мое дыхание учащается. Перед глазами все плывет. *Иди домой*, – строго приказывает голос в моей голове. – *Возьми себя в руки. Разберись во всем. Ты можешь с этим разобраться.*

Я спрашивал о тебе. Она сказала, ты вряд ли захочешь участвовать. Но я подумал, что ты должна знать.

Джордан

Я судорожно хватаю телефон.

– Привет, – говорю я, когда слышу знакомый голос. – Мне... мне нужно тебя видеть. Как можно скорее.

ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТЫЕ ААРОНОМ КАЦЕМ ДЛЯ КНИГИ «ПАДЕНИЕ: ФИНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ТРАГЕДИИ В КЭРРОЛЛЕ»

Стефани Андерсон, ведущая программы «Вечер со Стефани Андерсон» на канале «Кей-би-си»: Та ночь изменила мою жизнь. Это было ужасно, но те события сделали меня той, кто я... Подождите, давайте заново. Это была трагедия. Она изменила меня, но все же... Нет, можно еще раз, спасибо. Переживая нечто подобное, ты меняешься, и после этого я стала лучше как журналист, лучше как человек. Используйте этот вариант, пожалуйста.

Гуннар Корхонен, автор журналистских расследований, лауреат премии Вайнхарта: Все это было так нереально. Мы долго изучали репортажи, а потом сами попали в них.

Джордан Форд, ответственный редактор «Дабл-ю-эн-би-си»: На самом деле я мало что помню.

Гуннар: Подобные вещи происходят постоянно, но из-за того, как все случилось, из-за людей, вовлеченных в эти события, наша история так прогремела.

Джордан: Да. Ой, извините, невнятно ответил. Да, меня до сих пор узнают. М-да. Я замечаю, как люди на меня пялятся. Ничего не говорят, просто пялятся.

Гуннар: Хорошо, может быть, именно такие вещи не происходят постоянно. Я переборщил. Та ночь была

особенной. Не могу подобрать другого слова.

Джордан: Они не оставляли нас в покое.

Гуннар: Репортеры обращались с нами как с животными в зоопарке. Не давали прохода, тыкали. Кричали. *Гуннар! Гуннар! Последнее, что вы помните?*

Стефани: Каждый раз, когда я рассказываю об очередном преступлении в своем шоу, каждый раз, когда я беру интервью у человека, которого подозревают в чем-то ужасном, у меня перед глазами стоит ее лицо.

Несмотря на многочисленные попытки связаться с Шарлоттой Колберт, она так и не ответила на просьбы об интервью.

СЕЙЧАС

Добравшись до кабинета с табличкой «Доктор Назари», спрятанного в лабиринте комнат помпезного здания на Колумбус-Серкл, я меняю каблуки на кроссы – я так давно в Америке, что уже не называю их кроссовками, – и натягиваю старый свитер поверх рубашки. Дело в том, что перед сеансом мне нужно перевоплощение из «меня-редактора» в «меня-пациента». Иначе я ловлю себя на том, что отрывисто говорю Нур нечто вроде: «Таков прогнозируемый рост во втором квартале». Я утрирую, но лишь слегка. Я плачу кучу денег за то, чтобы распутать узлы в моей голове, и мне нужно знать, что оно того стоит. Так что да, кроссы и свитер.

– Шарлотта, – мягко произносит Нур.

Она приглашает меня войти.

– Привет. – Когда я разговариваю с Нур, мой голос тоже меняется: он становится тихим, похожим на мой прежний. От личины «меня-редактора», резкого и строгого босса, на сеансе я избавляюсь, как от старой кожи. – Спасибо, что впихнула меня в расписание.

– Всегда пожалуйста, – говорит Нур. – Ты сказала, это

срочно?

Я осторожно опускаюсь на диван. Этот момент – ощущение, что я вот-вот сломаюсь, – напоминает мне о маме.

– Стеф хочет снять об этом фильм, – говорю я без предисловий. – На десятую годовщину. Я не знаю, что делать.

Это не совсем так. Я потратила последние несколько часов на то, чтобы придумать план А, план Б и вариант на самый крайний случай. Но я не могу рассказать об этих планах Нур.

– Стефани Андерсон? – переспрашивает Нур. – Ведущая «Кей-би-си»? – Она что-то записывает. – Которая училась с тобой в Кэрролле? Сестра-близнец...

Нур замолкает. Слово *Кейт* – одно из тех, что мы не используем в ее кабинете, – повисает в воздухе.

– Да.

– И кто-то будет играть тебя в этом фильме?

– Ну да. – Будто ком встал в горле. Конечно, это не так. Просто я ощущаю нечто подобное каждый раз, когда говорю о Кэрролле. – Думаю, Стеф выберет кого-нибудь на мою роль.

– Понимаю.

– Я не могу, – говорю я. Обычно на сеансах я спокойна и сосредоточенна, мне нравится думать, что из всех пациентов Нур я лучше всех выражаю свои мысли. – Я не могу.

– Не можешь что? – спрашивает Нур.

– Не могу пережить те события снова. Не могу.

Это правда. Не вся, конечно. Но правда.

– Ты уже пережила... *это*, – осторожно говорит Нур.

В самом начале я составила для нее список слов, которых нужно избегать. *Багровое Рождество. Гуннар Корхонен. Кейт Андерсон.*

– Но это... – Я пытаюсь продолжить. И замолкаю.

Тогда часть меня умерла. Я могу сказать Нур об этом. Но я не могу сказать ей, что если моя ложь раскроется, то от меня, наверное, ничего не останется.

– Это другое, – говорю я наконец.

– Правда? – мягко спрашивает Нур. – Давай обсудим. Ты пережила все, что тогда случилось. Пережила и выход книги.

Книга. Тогда я еще не знала, но Аарон Кац готовил бомбу замедленного действия с того самого дня, с того самого момента. Месяцами эта история преследовала меня повсюду – название, которое дали ей журналисты, я не произношу. И только я подумала, что все закончилось, Кац подписал контракт на книгу. «Падение» вышло на вторую годовщину: *трагедия, что потрясла нацию, – первый полный отчет, записанный со слов очевидцев.* И я, дура, прочитала книгу.

Она меня уничтожила.

Несколько месяцев спустя, когда я снова начала выходить из квартиры, после всех лекарств, бесед с психотерапевтом и долгов, я поняла, что больше не хочу быть писательницей. Для разговора о произошедшем не было слов. Не то чтобы я не могла их найти, нет, их просто не существовало. В ито-

ге я решила стать редактором: я хотела работать с уже существующими словами, а не выдумывать собственные. Тогда это казалось мне таким ненужным, таким бессмысленным.

В тот год я многое для себя решила. Например, что больше не позволю себе так сломаться.

– Сейчас все иначе, – говорит Нур. – Сколько мы уже работаем, семь лет? Подумай о навыках, которые тебе удалось развить. О навыках, которых не было, когда мы впервые встретились.

Когда мы впервые встретились. До Триппа, до «Кей», до таунхауса в Верхнем Ист-Сайде² и моей грин-карты. Трипп любит рассказывать о том, как мы познакомились: «Ты выпивала в одиночестве, строила глазки официантам. Я увидел тебя и подумал, что ты, наверное, самый интересный человек в зале». (Затем я добавляю: «А потом я заговорила», и этим мы каждый раз смешим людей на всяких званых ужинах.) Но мне больше нравится слушать рассказ Нур о том, как она увидела меня в первый раз. Я испытываю странное удовольствие, когда слышу, что была ужасно худой, бледной, похожей на загнанного в клетку зверя. Ее слова напоминают мне: я больше не такая. И не могу снова стать такой.

Когда я говорю это вслух, Нур начинает разглагольствовать о том, что все мы лишь улучшенные версии себя самих, что мы носим в себе наши прошлые «я», как русские матрешки. Я не часто пропускаю мимо ушей слова Нур, но это

² Верхний Ист-Сайд – один из самых престижных районов Нью-Йорка.

как раз тот случай.

Она продолжает:

– Давай поговорим о кубиках, из которых состоит твоя жизнь.

Мы уже делали такое упражнение раньше. В теории оно должно успокаивать меня: если один кубик выпадет – например, мы с Триппом расстанемся, – другие не сдвинутся с места. Честно говоря, после таких игр мне кажется, что моя жизнь – цепочка костяшек домино, которые сейчас начнут падать, но, как говорит Нур, это мозг меня обманывает.

– Работа, – сразу же отвечаю я. – На работе меня уважают, сотрудники восхищаются мной. Я была в списке «40 до 40», я стала «Человеком года», я получила две награды за инновации в медиа, у меня появился профайл в «Форбс».

Я снова начинаю чувствовать себя собой.

– Что еще?

– Ну, Трипп. В следующем году он станет моим мужем. – Я вспоминаю Триппа: его широкую мальчишескую улыбку, его дрожащие руки, когда он протягивал мне коробочку с кольцом своей бабушки. Я запомнила, потому что это шло вразрез с его знаменитой решительностью. Он очень меня любит, вот почему боялся отказа. Раньше я никогда не видела его таким. – И моя семья в Лондоне, конечно. Моя сестра. – Фелисити, ей восемнадцать, и я люблю ее больше всех на свете. – Мои мама и папа.

Я никогда не прощу себе того, что им пришлось пережить

по моей вине. Заголовки «Дейли мейл» пестрели моим именем, в парадную дверь ломились журналисты, одноклассники Фелисити своими вопросами доводили ее до слез. Тогда я закрылась ото всех, жила внутри плотного серого облака, но сейчас мне ужасно тяжело думать об этом. Будто мои родители и так мало страдали.

– Мама и папа любят Триппа, – вдруг говорю я. – Они так гордятся... мной. Они даже заказывают «Кроникл», чтобы иметь возможность почитать мой журнал, хотя он приходит с опозданием в месяц.

Я знаю, мама рассказывает обо мне всем: продавцам, соседям, эрготерапевту Фелисити. *Чарли все еще в Нью-Йорке, у нее важная работа, вы бы видели, где она сейчас живет, она выходит замуж, можете себе представить?*

– Как мило, – говорит Нур. – Что еще?

– Ну, Оливия, конечно.

Мало что уцелело после тех событий, обрушившихся на мою жизнь, словно ядерный взрыв, но наша дружба не пострадала, и то только потому, что Лив всегда была рядом. Моя лучшая подруга до сих пор звонит мне минимум раз в неделю и приезжает раз в год – ровно на четыре дня, с четверга по воскресенье. В этом году она не приехала, но лишь потому, что недавно родила. Я видела ребенка по «Фейстайму». Он немного странный.

– Что-нибудь еще? – говорит Нур.

– Ну... Нью-Йорк.

Я не могу сказать никому, кроме Нур, потому что это слишком глупо. Но после случившегося я влюбилась в этот город. Раньше я не видела в нем ничего особенного: все время слишком жарко или слишком холодно, вокруг грязь, ругань и заоблачные цены. Почти как Лондон, но злее, дороже и суровее в плане погоды.

– Я бы не смогла отсюда уехать, – продолжаю я. – Мне нравится в Нью-Йорке все, даже самое плохое.

Нью-Йорк – это город непотопляемых. Вокруг ходят люди, одетые как Папа Смурф или Человек-паук, они напевают себе под нос, носят змей вместо шарфов, но именно эти люди возьмут тебя за руку, если вдруг у тебя случится паническая атака в метро (лондонцы *ни за что* так не поступят). В Нью-Йорке постоянно ощущаешь себя живым, ведь, когда тебе грубят, льстят, предлагают бесплатный кофе и все это в течение получаса, ты чувствуешь, что так и должно быть. Быстрый ритм города похож на морской прилив – сначала снесет, потом опять поставит на ноги. Говорят, если ты проведешь здесь десять лет, то станешь настоящим ньюйоркцем. Мне осталось восемь месяцев.

– Позволь добавить. Ты стала заботиться о себе гораздо лучше, Чарли. Ты ешь, даже когда не голодна. – Нур знает: голод – первое, что покидает меня, когда начинаются проблемы. – Ты принимаешь пищевые добавки. – Это заслуга Триппа: он считает, что ключ к полноценной жизни – гольф и пищевые добавки. – Ты держишь себя в форме.

– Раньше я уделяла себе мало внимания, потому что была моложе, – пытаюсь я оправдаться за свою молодость, когда мой рацион состоял из кусочков пиццы за доллар и коктейлей за двадцать.

– Да. Теперь ты старше, ты лучше знаешь, как о себе позаботиться, – заключает Нур.

Я думаю, но не говорю вслух: *теперь я могу потерять гораздо больше.*

Иногда я спрашиваю себя, не случись *этого*, было бы в моей жизни все то, чем я дорожу: моя работа, Трипп, наши отношения? Я не могу представить одно без другого. Моя прежняя натура – беззаботная, наивная, открытая – как-то не вяжется с Триппом, таким целеустремленным и успешным, что братья называют его Молотом (к тому же у Триппа еще и довольно квадратная голова). Прежняя «я» не вяжется с работой в «Кей». Но, наверное, все так думают о своей молодости.

– Послушай, Чарли, не пришло ли время поговорить о тех событиях?

– Мы и так о них говорим, – упираюсь я почти как ребенок.

Нур не обращает внимания на мои слова.

– Можем начать с самого начала. – Она говорит все так же мягко, но уже более оживленно. – Когда ты только приехала в Нью-Йорк. И дойдем до той самой ночи. Медленно. Спокойно. – Она обводит рукой комнату. – Если захочешь

остановиться, мы остановимся.

– К чему это все? – как-то хрипло спрашиваю я, хотя знаю ответ.

Нур не первый год пытается склонить меня к такому эксперименту – вроде бы это называется проработкой травмы. *Мы можем сильно продвинуться*, – мягко сказала она однажды, а потом строго добавила: – *При условии, что пока не будем говорить о той самой ночи.*

Нур продолжает:

– Представь, что твой мозг – фабрика. – Это я тоже уже слышала. – Мозг обрабатывает большинство происходящих с тобой событий и трансформирует их в воспоминания. Но когда случается что-то ужасное, как, например, то, через что тебе пришлось пройти, Чарли, фабрика не справляется. Механизмы ломаются. Все отключается. Воспоминание не обрабатывается и превращается в – как ты это называешь? – черную дыру.

Я сказала это во время нашего первого сеанса. *Доктор Назари, та ночь для меня как черная дыра.*

– Мозг пытается защитить тебя и не дает вспомнить. Остро реагирует на некоторые моменты. – Лифты. Чьи-то резкие движения. Первый снег. – Он не хочет больше отключаться. Но если в течение нескольких сеансов разобрать тот год по косточкам, в безопасной и доверительной обстановке... – Ее голос так успокаивает. – ...твой мозг сможет обработать... те события. Они трансформируются в воспоминания.

нения, страшные воспоминания, разумеется, – спешит добавить она. – Но ты станешь к ним менее... восприимчива.

– И все вспомню.

Прозвучало как упрек.

– Этого я не знаю. – Нур слегка улыбается. – Но, мне кажется, Чарли, такой подход может помочь.

Твое «кажется» – это не то, за что я плачу. Я лишь думаю об этом. Вслух не говорю. Плачу, как тебе известно, сотни долларов в неделю, чтобы научиться справляться с собой: правильно дышать, успокаивать себя, контролировать эмоции. Твое «кажется» не...

Но Нур все еще продолжает:

– Десятая годовщина в любом случае стала бы для тебя испытанием, Чарли. Даже без фильма. Об этом снова будут говорить в новостях. Люди снова начнут спрашивать тебя о случившемся. Их вопросы не будут такими тактичными, как мои. – Она улыбается так, будто мы делимся секретами. – Наш новый метод может тебе помочь. Когда выйдет фильм Стефани...

– Если ее фильм выйдет, – перебиваю я.

– Да. Конечно. – Нур указывает на настенные часы. – Наше время подошло к концу, Чарли. Подумай о моем предложении. Что бы ты ни решила, запомни: ты со всем справишься. Ты прошла долгий путь.

Я хотела бы сказать ей правду. В самом деле хотела бы. Ты права, Нур, я прошла долгий путь. Теперь мне и падать

гораздо дольше, чем тогда, когда я только начинала лгать.

Рядом со станцией метро «57-я улица» в витрине магазина электроники стоит телевизор. Он постоянно транслирует «Кей-би-си», канал Стеф. Обычно я вижу только рекламу с ней – я сижу у Нур с шести до семи, а шоу Стеф начинается в восемь, – но сегодня сеанс был вне расписания, и по дороге к метро я чувствую на себе взгляд Стеф, ее глаза такие же зеленые и выразительные, как у сестры.

Иногда я перехожу дорогу, чтобы только ее не видеть. Но сегодня мне уже все равно. Ведь я и так думаю о ней. В новом выпуске «Вечера со Стефани Андерсон» на Стеф приталенное темно-синее платье – кажется, от «Пьер Мосс» – и жемчужные серьги. Она не сильно изменилась за девять лет, хотя я уверена, что ради этого она пошла на многое. Ей не дашь больше двадцати пяти. Стеф всегда казалась мне холодной и даже какой-то жуткой – в этом был ее шарм, в том, как она умела включать и выключать это выражение лица, – но перед камерой она такая приветливая, сама добродетель.

Я останавливаюсь, чтобы посмотреть на нее. Гость что-то говорит, и она смеется, откидывая голову назад, ее пышные волосы касаются спины. Будто бы ей ни до чего нет дела.

Я вспоминаю письмо Джордана: *Она говорит, что пришло время внести ясность.*

Она говорит, что пришло время.

Глядя на нее, я думаю о своей сестре. О маме и папе. Если

Стеф снимет фильм, все повторится. Прячущиеся в кустах папарацци, нечеткие полароидные фото в газетах. Моим родителям шестьдесят три и шестьдесят девять, но они выглядят лет на десять старше: из-за смерти Адама они постарели раньше времени, стали слабыми и заторможенными еще до того, как им исполнилось сорок. Папа забывает принимать лекарство от давления. Сестра уже достаточно взрослая для того, чтобы задавать вопросы, на которые они не смогут ответить. Если все повторится, они не выдержат.

Но вдруг я осознаю, что это не повторится.

Сейчас все будет гораздо хуже.

Девять лет назад я была никем. Сейчас я главный редактор, невеста богатого наследника, женщина, которую сотни раз снимали профессиональные фотографы. Единственная свидетельница, до сих пор не имевшая дело с журналистами. Вот о чем они будут писать снова и снова. Для прессы нет более лакомого кусочка, чем успешный, безупречный человек, хранящий свои тайны. Раньше мое молчание их раздражало. На этот раз оно приведет их в ярость.

Я слежу за тем, как двигаются губы Стеф, как она смотрит в камеру своим фирменным взглядом: полуулыбка, прищуренные глаза, устремленные прямо на тебя. Для Стеф этот фильм – очередной тщеславный проект, попытка стать ближе к зрителю. Вступительные титры перетекают в надпись «*Посвящается Кейт*», надпись недолго светится, затем гаснет. Потому что быть успешной, красивой и беспечной недо-

статочно. Даже я это знаю. Нужна какая-то трагическая история за плечами, иначе пол-Америки переключится на другой канал, приговаривая: «Что за противная ведущая?»

Мои руки сжимаются в кулаки. Я не могу позволить ей это сделать.

Я не позволю.

ТОГДА

СТАТЬЯ С САЙТА «ЭМ-ЭС-ЭН-БИ-СИ»
СРОЧНАЯ НОВОСТЬ: В УНИВЕРСИТЕТЕ
КЭРРОЛЛА ПРОИЗОШЛО ВООРУЖЕННОЕ
НАПАДЕНИЕ, ЕСТЬ ЖЕРТВЫ

24 декабря, Нью-Йорк. Шестеро раненых студентов Школы журналистики университета Кэрролла были обнаружены в воскресенье вечером в университетском кампусе. Их состояние оценивается как тяжелое, несколько учащихся – в критическом состоянии. Все они были доставлены в больницу Бельвию, где констатировали смерть троих студентов.

Имена учащихся и характер их травм не разглашаются. Еще двоих студентов доставили в Бельвию в шоковом состоянии для оказания дальнейшей помощи. Представитель университета заявил, что инцидент не связан с огнестрельным оружием, как предполагалось ранее, но комментировать ситуацию отказался.

Университет временно закрыт.

Новость дополняется.

СЕЙЧАС

Поезд в метро тащится до Верхнего Ист-Сайда дольше обычного. Трипп не понимает, почему я не беру машину – бывший главред «Кей» Табита не заходила в метро с восьмидесяти седьмого, – но я терпеть не могу долгие поездки в тишине и тесные мягкие салоны. Обычно мне нравятся шум и грохот метро, обрывки чьих-то разговоров, свет как в террариуме. Метро успокаивает. Отвлекает от всего.

Но сегодня я просто хочу – как сказала бы мама – *немного покоя, черт побери.*

Ведь я знаю, вернее, знала с того самого момента, как Нур впервые завела об этом разговор: я должна вспомнить. Не только потому, что мне надоела паника, охватывающая меня каждый раз, когда кто-то говорит: *Ой, а помнишь ту историю...* или *Ой, а ты похожа на...* Не только потому, что я годами заставляла себя существовать, игнорируя ту часть меня, которая тогда умерла. Нет, мне нужно все вспомнить потому, что материалы дела теперь в открытом доступе: они оказались там по прошествии семи лет. Материалы засекретили из-за повышенного журналистского интереса, а также в связи с книгой Аарона – суд постановил, что свидетельские показания моих однокурсников и некоторых родителей «привлекут лишнее внимание», – но почти два года назад они стали достоянием общественности и, по закону о сво-

бодe информации³, доступны любому, кто делает соответствующий запрос.

Парочка журналистов так и поступила. Я опять начала принимать «Клонопин», глотая его словно мятное драже всякий раз, когда проверяла гугл-оповещения. Опять ненадолго перестала есть.

Но ничего не случилось. Постепенно я пришла в себя.

Только вот Стеф знает, что делает. Она будет использовать цитаты из показаний – моих показаний, записанных сразу после случившегося, когда я была настолько глупа и недалёковидна, что говорила без адвоката. Она привлечет целую команду людей, которые будут копаться в справках, словах очевидцев и фотографиях с тайм-кодом, выискивая сенсацию. И они ее найдут, если будут усердно искать.

Если – когда – они наткнутся на странные нестыковки, на детали, которые не сходятся, мне нужно будет знать больше, чем я знаю сейчас.

Сидя в вагоне, я думаю: *зачем ждать?*

ТОГДА

Без паники. Эти слова я повторяла как мантру.

– Я спрашиваю, – уставшим голосом повторил сотрудник

³ Закон о свободе информации – федеральный закон, гарантирующий гражданам США предоставление любых документов (помимо нескольких исключений) при обращении в соответствующее ведомство.

пограничного патруля аэропорта Кеннеди, – какова цель вашего визита в Соединенные Штаты Америки?

Я будто онемела. Отчасти из-за массивного пистолета, торчащего из кобуры у него на бедре, отчасти потому, что надеялась на подсказку – от него или кого-нибудь другого.

– Обучение в магистратуре, сэр, – сказала я наконец.

– Да? – Он почесал лицо. – И где же?

Я все еще смотрела на пистолет.

– Школа журналистики университета Кэрролла. Сэр.

– Четыре пальца правой руки на сканер, – сказал сотрудник. – Всё. Подождите. Отличное место этот Кэрролл. Да ведь?

Школа журналистики Кэрролла – Гарвард среди факультетов журналистики, повод козырнуть дипломом, когда кто-то высокомерно спрашивает тебя об образовании. Я никогда не думала, что поступлю туда, никогда не думала даже о подаче документов. Но после неудачного свидания я неожиданно для себя села заполнять онлайн-формы – в голове звучали слова того парня: *«Знаешь, если бы твоя писанина куда-нибудь годилась, тебе бы уже платили»*, – а потом поняла, как это глупо, и совсем забыла о своей заявке. Пока не пришло письмо.

Труднее всего мне дался разговор с сестрой. Фелисити уже исполнилось девять, она была болезненно худым ребенком с длинными, как у Бэмби, ресницами и собакой-помощником по кличке Пять. (Она выбрала это имя, потому что

именно в пять лет получила пса в подарок. Тогда это казалось вполне логичным.) Когда годом ранее я окончила университет и вернулась в лондонский дом родителей, она очень обрадовалась. «Теперь мы *настоящие* сестры», – сказала она. Для Фелисити переезд в Америку был равноценен переезду на Луну. «Но ведь Чарли только вернулась», – растерянно сказала она маме.

Когда я пыталась найти свой кампус среди усыпанного листвой Вест-Виллиджа, я вспоминала тихий плач Фелисити в аэропорту, ее маленькую головку, прижавшуюся к моей груди. К тому моменту, как я увидела здание с большим оливковым флагом Кэрролла, я еле сдерживала слезы. Сонный консьерж всучил мне связку ключей с брелоком 4F и проводил до маленькой темной комнаты на четвертом этаже. Внутри были выдавшая виды кровать с матрасом, шкаф, крошечная ванная и – это что? – лежащий на спине таракан. *Господи*. Пока я смотрела на него, одна из его лапок пошевелилась.

– Привет, а ты кто? – От неожиданности я подпрыгнула на месте. – Ой! Какой здоровенный.

Я обернулась и увидела в дверном проеме девушку примерно моего возраста. Нагнувшись, она сняла желтый пушистый тапочек и ткнула им таракана.

– Точно сдох, – заявила она.

Бросившись в ванную, она выскочила оттуда с клочком туалетной бумаги и подхватила им тараканью мумию. Затем

открыла окно и выбросила ее на Третью улицу.

– Спасибо, – пробормотала я. (Что, если он упал на кого-нибудь?)

– Боже, так ты британка! – Девушка раскрыла окно еще шире. – Как-то здесь затхло, да? Знаешь, я целый семестр жила во Франции. В Бордо!

– Круто, – сказала я, не совсем улавливая ход ее мыслей.

– Я рада, что ты здесь. Я как раз шла в ванную. Это судьба! – Девушка плюхнулась на голый матрас и широко улыбнулась. У нее были красивые, добрые глаза в крапинку. – Ты новенькая? На третьем этаже студенты Школы бизнеса, с ними не очень весело общаться, я пробовала, а на втором – студенты-медики. Кстати, я Кейт. – Несмотря на всю ее уверенность, интонации девушки робко взлетали вверх в конце фраз, как будто она все время что-то спрашивала. – Кейт Андерсон. Я местная – ну, почти. Из Гринвича. Правда, никогда раньше не жила в городе. Я только вчера переехала.

Я не сразу поняла, что она закончила говорить.

– Я Чарли. Шарлотта. Лучше Чарли.

– Дай угадаю, – оживилась Кейт. – Ты из Лондона? Хочешь маффин?

Я и правда хотела маффин. Еще я хотела проспять следующие сорок восемь часов, но и маффин я бы съела.

– Да! И про Лондон тоже да.

Кейт исчезла и вернулась с маффином и салфеткой.

– Ты, наверное, еще и чай хочешь, – сказала она. У нее

было одно из тех светлых, открытых лиц со следами от акне и восторженным румянцем. – Ну, Британия и все такое? У нашего учебного ассистента Ди – она тоже на этом этаже – есть электрический чайник, можешь попросить у нее. Тебе так повезло, что у тебя своя ванная, общая – это кошмар. А ты с какого потока?

– «Журналы», – сказала я, жуя маффин. Он был вполне неплох. Яблоко с корицей.

– Я тоже! И моя сестра, она живет напротив по коридору. Хотя мы не очень близки. Сама поймешь, когда с ней познакомишься. – Кейт внезапно замолчала и накрутила прядь мягких волос на палец. – Я слишком много болтаю, да? Извини. Ты, наверное, очень устала. – Она пристально посмотрела на меня. – В смысле *выглядишь* очень устало.

– Все нормально, – сказала я. На удивление, маффин вернул меня к жизни. – Не переживай.

– Нет-нет, тебе нужно отдохнуть! – Она вскочила на ноги. – У тебя есть типа одеяло, да? И подушка?

– Эм-м. Нет. Но у меня с собой одежда. Я могу укрыться ею, все в порядке.

– Ну уж *нет*, подруга. – Кейт рванула из комнаты и вернулась с плюшевым пледом и подушкой. – На, возьми. Плед цвета Кэрролла! Папа купил в сувенирном, он у меня такой чудик.

– Спасибо, – неловко сказала я.

– Как классно! – Выбегая из комнаты, она помахала мне

рукой. Ее ногти были выкрашены в разные цвета, выглядело это ярко и неаккуратно. – Кстати, я в 4D.

Так Кейт Андерсон ворвалась в мою жизнь.

Вот она, красивая история о том, как я взяла и переехала в Америку, потому что неожиданно для себя подала документы в университет совсем не моего уровня. Но на самом деле не все было так просто, и об этом мало кто знает. Например: я понимала, что смогу оплатить учебу, потому что бабушка завещала мне часть денег, оставшихся от вложений в одну французскую кондитерскую фабрику, – «сладкие деньги», как говорят у нас в семье. А еще по утрам я лежала в своей детской спальне, смотрела на потолочный плинтус и думала: *я больше не могу здесь жить.*

Дело не в принципе, мне *нравилось* жить дома. Но у нас повсюду висят фотографии Адама. Я смотрела, как он лежит в своей кровати, когда ела хлопья на завтрак, проходила мимо его удивленного личика, собираясь на смену в бар. И каждый раз при виде его слюнявой улыбки – Адам умер до того, как у него прорезались молочные зубы, – я вспоминала, что трачу свою драгоценную жизнь на тесный, грязный бар, в котором подаю джин-тоник посетителям. Вспоминала, что я на двадцать лет старше своего умершего брата, но до сих пор сплю на кровати с балдахин, которую выклянчила у родителей еще в детском саду.

Родители. Они тоже есть на этих фотографиях. Их счаст-

ливые, полные надежды лица еще хуже улыбки Адама. Их сын утыкан трубками, но они все равно выглядят такими радостными, какими я их никогда не видела. А еще они кажутся гораздо моложе, хотя Адам умер всего за год до моего рождения. Мама и папа никогда не говорили, что я должна стать их гордостью, что я должна прожить яркую жизнь за Адама, но из-за фотографий, на которые я смотрела изо дня в день, мне становилось стыдно. Я понимала, что *не могу и дальше их подводить*.

Однажды вечером, где-то через год после моего выпуска, я сидела в ресторане с шотландцем, банковским стажером, с которым меня свела Оливия и у которого было чертовски *самодовольное* лицо. Внезапно он спросил:

– Чем бы ты хотела заниматься?

– Я хочу писать.

И это было правдой. В течение нескольких недель после возвращения домой я подавала резюме куда только можно: в крупные газеты, модные журналы, на разные сайты. «Когда у вас будет больше опыта», – отвечали одни. «Когда у нас будет больше вакансий», – утверждали другие. В итоге друг моего отца предложил мне работу в одном из своих пабов, и на этом все закончилось.

Шотландец спросил:

– Ну и как, ты хороша в этом?

– Надеюсь, что да, – ответила я, делая глоток вина.

– Но если бы твоя писанина хоть на что-то годилась, тебе

бы уже платили за нее, а? – Его водянистые глаза впились в мои. – Ну то есть ты понимаешь?

Это было больно, но не больнее пореза бумагой. Ничего нового он мне не сказал. И все же через час, когда я прикончила большую часть бутылки вина, во мне кипел праведный гнев. Черт возьми, да кем он себя возомнил? Некоторым недостаточно просто зарабатывать *деньги!* А голос в моей голове твердил: *Чарли, ты даже этого не делаешь.*

И вот я холодно попрощалась с ним, пошла домой и легла спать, а на следующий день выпила три таблетки ибупрофена и подала документы в Школу журналистики Кэрролла. Конечно же, не для того, чтобы *поступить* туда. Просто мне хотелось доказать тому парню, да и себе самой тоже, что я куда-то двигаюсь. Через тернии к звездам, и прочая философская хрень.

Я и не думала, что у меня *все получится.*

В своем эссе я написала о Фелисити. О том, как сначала меня испугал ее синдром Дауна. Как я старалась избегать ее, а она, совсем еще ребенок, ходила вокруг, раскинув ручки. Как я впервые разрешила ей забраться ко мне в постель, тогда Фелисити было пять. В тот год я очень сильно привязалась к сестре, я лежала рядом, пока она что-то лепетала, и расчесывала пальцами ее золотистые волосы, веселила ее, корча глупые рожицы. Уехав в университет, я каждый вечер звонила домой, чтобы она могла рассказать мне, чем они с псом занимались. За три года не было ни одного вечера, ко-

гда бы я не позвонила.

Я писала это эссе и плакала. Я впервые так остро осознала, что без Фелисити моя жизнь была бы совсем другой, осознала, сколько радости она принесла всем нам. Поняла, что никогда не смогу уехать от нее. Но я подавала документы в Кэрролл, в чертов *Кэрролл*, поэтому и не собиралась уезжать от сестры.

А потом я поступила. И прежде чем хоть немного подумать, я поделилась этим с родителями.

– Это довольно дорого, – сказала я.

– «Сладкие деньги», – тихо напомнил папа.

– Фелисити, – продолжила я.

– Будешь звонить ей, – ответила мама. – Когда и сколько захочешь.

– Малышка, мы так гордимся тобой, – подбодрил меня папа.

Правду я сказала только Ди. Правду о том, что, если бы не слезы отца и благоговейный взгляд мамы, я бы никуда не поехала. Никакой смелости и целеустремленности не было, просто я боялась подвести их. Мне казалось, Ди поймет. Сейчас я содрогаюсь от этой мысли. Я должна была понимать, еще тогда, в двадцать три, что мечты моих вечно скорбящих родителей не совпадают с мечтами отца Ди, американца индийского происхождения.

Отец Ди. Хунар. Я видела его всего один раз. Сначала я его не узнала: Ди показывала мне фотографии доброго вели-

кана, рассказывала о его громком смехе и шутках, но мужчина на похоронах был сгорбленным и безучастным, его глаза смотрели в никуда, пока он пел вместе со священником. Я хотела сказать ему правду. Но в итоге подумала – и до сих пор так думаю, – что Хунару лучше верить в официальную версию событий. Вдобавок уже тогда, стоя в белом платье и представляя, как Ди превращается в пепел, я знала. Знала, что мне нет прощения.

СЕЙЧАС

Я не могу... я должна...

Двери вагона закрываются, но я бросаюсь между ними и почти падаю на платформу, с трудом пытаюсь вдохнуть, мне не хватает воздуха...

Поезд уходит, а я так близко к краю. *Чарли, твою мать, не смей отключаться*, но вдруг кто-то хватает меня за локоть – Боже, благослови ньюйоркцев – и оттаскивает от путей:

– Дамочка, вы с ума сошли? Вставайте!

– Простите. – Я еле дышу. – Простите меня...

Воздух наполняет мои легкие, пульс замедляется, и я – господи, я все еще держусь за лохматого незнакомца.

– Простите, – повторяю я и, пошатываясь, иду к выходу.

В безопасной и доверительной обстановке, – говорила Нур.

А не в чертовом поезде, Чарли. Даже не пытайся сделать

ЭТО ЧОБА.

СЕЙЧАС

Когда я возвращаюсь в наш таунхаус, на часах уже почти девять. Я торопливо вешаю пальто в прихожей, отодвигая ветви пальмы. Господи, пальма. В моей первой нью-йоркской квартире рядом с духовкой был душ, а между кроватью и мусорным ведром постоянно сновали муравьи, теперь же у меня в прихожей стоит чертова пальма.

– Привет, детка! – кричит мне Трипп из кухни.

Я не осознавала, насколько он богат, пока не увидела его дом. Вообще-то я чуть не порвала с ним в ту ночь. Пианино, горящий камин, желание в глазах Триппа, когда он протягивал мне хрустальный бокал с одному-только-богу-известно-насколько-дорогим бурбоном, – это было уже чересчур. «Чарли, ты стала для меня такой особенной», – сказал он в ту ночь, через месяц после нашего первого свидания, а мне хотелось плакать, хотелось встать и уйти, но я не сделала ни того ни другого.

Мы познакомились благодаря Тео, сестре Оливии. Тео, для меня тогда еще Теодора, приехала в Нью-Йорк на ежегодную встречу сотрудников в головном офисе «Гуд-

мен-Уэст» в Сохо. Она работала – и до сих пор работает – в небольшом лондонском подразделении «Гудмен-Уэст», нью-йоркского печатного гиганта, основанного в тысяча девятьсот шестом году прадедом Триппа. Тео говорила, что эта встреча – ее самое любимое мероприятие: издательство оплачивает всем бизнес-класс и номера в шикарном отеле в центре.

У Тео был парный приглашенный на коктейльную вечеринку «Гудмен-Уэст», и она позвала меня с собой. На самом деле он предназначался для супругов, но Тео настояла на том, чтобы с ней пошла именно я. Думаю, Оливия попросила сестру присмотреть за мной, хотя прошло уже два года с момента выхода книги Аарона, спровоцировавшей то, что мы с Нур называем эпизодом. Тем не менее благодаря «Кей» я часто посещала подобные мероприятия и знала, что при желании там можно наесться до отвала, а я в то время была помощником редактора и жила на китайской лапше, так что муки выбора терзали меня недолго.

Вечеринка проходила в банкетном зале «Марриотт» в Файненшел-дистрикт. Я быстро потеряла Тео из вида, но это меня не расстроило. В зале был бесплатный бар и гора закусок, поэтому я уселась за стойку с бокалом шампанского и стала пробовать все, что проносили мимо официанты. Работа ужасно выматывала – тогда я изо всех сил карабкалась вверх по карьерной лестнице, приходила в офис в шесть, уходила около девяти, – так что спокойно посидеть в

одиноким было очень приятно. Мне нравилось наблюдать, как гости собираются в шумные стайки, порхают от одного кружка к другому. Видимо, я уже была немного пьяна.

Меня вернул к реальности тяжелый вздох типа-такого-несчастливого мужчины, сидящего рядом со мной. Он заказал «Виски сауэр», и бармен, как мне показалось, со всех ног бросился обслуживать его – ну конечно, мне же шампанского больше не надо, – а затем сделал такой громкий глоток, будто хотел, чтобы его заметили. Потом он повернулся на стуле, чтобы, как и я, сидеть лицом к залу. Я не обращала на него внимания и уплетала свою крабовую котлетку.

– Выглядит неплохо, – сказал он бодрым голосом.

– И на вкус ничего, – ответила я, не пытаясь скрыть свой британский выговор, и откусила еще кусочек.

– Так вы британка.

– Ага.

– Давно в Штатах?

– Как сказать.

Я даже не посмотрела в его сторону. Этим вечером меня интересовало лишь одно – еда.

– Работаете в «Гудмен-Уэст»?

– Нет.

– Вот как. Тогда почему вы здесь?

Да уж, проигнорировать его у меня не вышло.

Я на минуту повернулась к нему. Довольно привлекательный для тех, кому по душе широкая улыбка и редкие вес-

нушки.

– На самом деле я оказалась тут случайно. Никому не говорите.

Казалось, он удивился.

– Вы серьезно?

– Да. – Официант предложил мне что-то розовое, завернутое в прошутто, и я взяла. – Я журналистка.

– Пишете о «Гудмен-Уэст»?

– Ну уж нет, – сказала я. – Ужасно скучная тема. Без обид.

Мужчина рассмеялся немного громче, чем следовало бы.

– Все в порядке.

– Вы из Нью-Йорка? – спросила я.

Говорят, что люди, родившиеся и выросшие в этом городе, слегка не в себе.

– Да, – сказал он. В уголках его добрых глаз виднелись морщинки. – Но не из самого Нью-Йорка, а из пригорода. Из Уэстчестера.

– У нас в Англии тоже есть разные Честеры, – сказала я ему, кусая завернутое в прошутто... нечто. Шампанское ударило мне в голову. – И вообще, я часто слышу здесь названия типа «Манчестер», «Рочестер», «Кембридж». Почти как дома.

– Это все английские поселенцы, – ответил мой собеседник.

Мне понравилось, что он не стал углубляться в тему. Мужчины, пытающиеся пересказать мне всю американскую

историю, были – и остаются – моим проклятьем.

Повисла пауза, а затем он сказал:

– Кстати, я Трипп.

– Шарлотта. – Я заметила другого официанта. – А это случайно не ребрышки?

Он прищурился.

– Думаю, там жареная спаржа. Извините, что обманул ваши надежды.

Мы еще немного поговорили. Официантов тянуло к нему, как к магниту, и я смогла попробовать все: жареных кальмаров, ананасы на шпажках, бургеры размером с большой палец. Я видела, что он флиртовал со мной, но мне было наплевать. Меня уже давно никто не интересовал.

В тот вечер Трипп позвал меня на свидание. Почему бы и нет, сказала я (к сожалению, это прямая цитата, я не стала включать ее в объявление о помолвке для «Таймс»). Разумеется, серым кардиналом была Оливия, под ее началом Тео настаивала на том, чтобы я «двигалась дальше». Я надеялась, что они отстанут от меня.

Так оно и вышло. Тем же вечером Тео назвала мне полное имя Триппа: Уильям Гудмен-Уэст III.

Я захожу на кухню и вижу его: рукава рубашки закатаны, лицо напряжено. Трипп нарезает сладкий перец: *хрясь-хрясь-хрясь*.

– Ужин через двадцать минут, – говорит он.

От одной мысли о еде мне становится не по себе.

– Отлично, – тихо отвечаю я.

– Иди ко мне, – говорит он, вытирая руки кухонным полотенцем. Я позволяю ему прикоснуться губами к моим губам, позволяю обхватить свою талию сильной рукой. Позволяю себе выдохнуть, но лишь на секунду. Уткнувшись лицом мне в волосы, он жалуется: – Не день, а чертов кошмар. Снова Тоби и Трент.

Тоби и Трент тоже Гудмен-Уэсты, второй и третий в очереди на трон. В зависимости от настроения ленивые и заносчивые братья по очереди пытаются подорвать авторитет Триппа как главы компании или же убедить его назначить их вице-президентами.

– Что случилось? – выдавливаю я из себя.

– Вытащили меня на ланч, угощали вином за счет фирмы, пытались убедить, что не стоило покупать «Локтон». – Он драматично высыпает нарезанный перец в сковородку. – Все как обычно. Два часа пропали впустую. Завтра мне придется раньше вставать. В самую *рань*.

Он преувеличивает. Несмотря на все его разговоры о том, что из всех Гудмен-Уэстов о трудовой этике знает лишь он один, Трипп никогда не встает раньше восьми. Бонус наследника компании. Я молчу и наливаю себе бокал красного.

Трипп продолжает:

– Как прошла встреча с Уолтером?

Он делает быстрый глоток вина. Я тоже довела до совершенства этот «глоток богатого человека»: едва касаешься гу-

бами края бокала, почти незаметно глотаешь. С тех пор как мы стали жить вместе, я еще потихоньку научилась правильно есть пасту (накручиваешь макароны на вилку, отправляешь их в рот, затем промокаешь уголки рта салфеткой) и готовить кофе (измельчаешь зерна, аккуратно опускаешь поршень во френч-прессе).

– Ты знаешь, отлично.

– Давай вечером что-нибудь посмотрим. – Он выкладывает стейки на сковороду, посыпает их солью и перцем, затем переворачивает. Стейки начинают шипеть, из них слегка сочится кровь. – Мне нужно отвлечься, – говорит он, но я все еще сама не своя из-за паники в метро, воспоминаний о Кейт и Хунаре, и, наверное, именно поэтому я делаю едва заметный шаг назад, поэтому сердце, желудок, все внутри меня сжимается.

Черт.

Что, говорила Нур, нужно делать в таких случаях? Фиксировать свои чувства, вот что. Перечислять их про себя. Не сопротивляться им.

Я чувствую, как бешено стучит сердце. Чувствую, как покалывает кончики пальцев. Чувствую, как учащается дыхание.

Нур спросила бы, насколько мне плохо, по шкале от одного до десяти.

Четыре. Ну, может, пять. Я еще пока дышу.

– Разве твои сеансы не по вторникам? – спрашивает

Трипп.

– Мы отменили, – слышу я свой голос.

Я не могу даже спокойно *думать* о Кейт или Ди. Что же со мной будет, когда я увижу их на сорокафутовом экране, увижу детальную пародию на ту самую ночь? Когда актрисы, накрашенные и одетые как мои подруги, будут подмигивать мне с рекламных щитов?

Я чувствую, что мои нервы раскалены до предела, будто я на самом верху американских горок.

– Может, посмотрим документалку? – Трипп проверяет стейки. – Начнем хотя бы. Просто мне могут позвонить...

Трипп не видит, что я выхожу из своего тела и испытываю дежавю наоборот. Будто бы я была в этой комнате раньше, но все вокруг такое незнакомое. Трипп не замечает происходящего со мной, никогда не замечал, и я благодарна ему за это. Он думает, что я занята мыслями о работе, о своих планах. Он никогда не спрашивает, в порядке ли я, – и слава богу, иначе я бы, наверное, не выдержала.

– Давай посмотрим ту, про китов, – говорю я.

У меня такое чувство, что вместо меня говорит кто-то другой.

– Да, можно.

Подобные моменты просто ужасны, но мне хотя бы не приходится говорить о них с Триппом. Наконец я прихожу в чувство, снова узнаю все вокруг. Трипп по-прежнему стоит у плиты и возится со стейками.

– Милый, позови меня, когда будет готово, – говорю я и целую его в щеку.

В нашей домашней библиотеке я достаю из-под дивана свой издавший виды макбук. Я редко им пользуюсь – он тупит и гудит, ведь он у меня еще с Кэрролла, – но как-то не хочется делать это на моем рабочем компьютере или на компьютере Триппа. Конечно, я всегда могу сказать, что подбираю материал для статьи. Но – как бы странно это ни звучало – я не люблю врать просто так.

Быстро забиваю в поисковик: «Стефани Андерсон».

Появляются результаты поиска. Из всех нас только Стеф избежала того, что я называю гугл-проклятием. Когда вы вбиваете имя Гуннара или мое, всплывает множество ссылок о Багровом Рождестве: полицейские отчеты, фотографии с вечеринки «Пузырьки и кандалы». Еще один снимок все видели сотни раз, первое фото «выжившей»: меня то ли выводят, то ли выносят на улицу, волосы свисают на лицо. Я смотрю прямо в камеру, как бы говоря: *Что?*

Но к результатам на имя Стеф не подкопаешься. Страница в Википедии, профайл на сайте «Кей-би-си», статья в «Вог», аккаунты в «Твиттере» и «Инстаграме»⁴. Интересно, мог ли кто-нибудь с ее канала все подчистить? Когда вы гуглите меня – как это сделали после нашей встречи Джуд

⁴ Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

и Гудмен-Уэст-старший, родители Триппа, – первое, что вы видите: «Шарлотта Колберт, пережившая Багровое Рождество, заняла высокий пост в „Кей“». Взглянув на заголовок, они в ужасе позвонили Триппу.

Я знаю, что ищу, и это не статья в «Вог». Я открываю страницу Стеф в Википедии и прокручиваю до раздела «Карьера», пока не нахожу то, что искала, строчку в самом конце: *В 2019 году Андерсон основала продюсерскую компанию «С. Андерсон медиа». Она отказалась комментировать как сферу деятельности компании, так и ее будущие проекты.*

Не то чтобы я думала, что Джордан мне солгал. Но ощущение реальности происходящего наполняет меня смесью адреналина, тошноты и безнадежности: *нет, пожалуйста, нет, только не это.*

Закрой ноутбук, сказала бы Нур. Прислушайся к себе. Дыши.

Я забиваю в поиске: «Стефани Андерсон Багровое Рождество».

Теперь результатов меньше. Стеф там не было – на самом деле была, но она ничего не видела, – и ее имя не упоминалось в новостях. На самом верху поиска – блоги. *Такого поворота я не ожидал!* – написал кто-то. Дальше отрывок из книги Аарона «Падение», в котором упоминается Стеф. Видео под названием: «Стефани Андерсон РЕЗКО ОТВЕЧАЕТ Оттоману о БАГРОВОМ РОЖДЕСТВЕ!»

Мне становится все тяжелее и тяжелее дышать, будто ме-

ня забинтовывают как египетскую мумию, но я все равно кликаю на видео.

– Безопасность кампуса всегда была у нас в приоритете, – говорит пожилой мужчина. Я смутно помню его: бывший министр образования. – Вооруженная охрана, металлодетекторы – все эти меры предназначены для защиты...

– Тем не менее в прошлом месяце вы поручили учебным заведениям сократить средства на поддержку психического здоровья. – Тон у Стеф резкий. – Вы также лишили кампусы защиты, гарантированной Разделом IX⁵. Если вы так решаете вопросы безопасности...

– Существует множество факторов, которые позволяют студентам чувствовать себя в безопасности: например, знакомые мне юноши говорят, что одно только голословное заявление...

Я узнаю тот самый блеск в глазах Стеф.

– Каждая вторая девушка подвергается сексуальному насилию в кампусе, господин Оттоман.

– Это не...

– Более того. – Голос Стеф звенит как сталь. – Если говорить о подобном насилии, господин министр, то я знаю об этом не понаслышке. А еще я могу вам сказать, что никакой охранник, вооруженный или нет, не смог бы *защитить* мою сестру и однокурсников от Багрового Рождества. – Она

⁵ Раздел IX – федеральный закон, запрещающий дискриминацию по половому признаку в образовательных учреждениях страны.

выдерживает паузу. – Теперь по поводу поддержки психического здоровья. Здесь дело в другом, господин министр...

Я не слушаю голос Нур в своей голове – *остановись, подумай, сосредоточься*, – выключаю видео и возвращаюсь к результатам поиска. Мне бросается в глаза интервью, которое Стеф дала «Форчун».

Несмотря на то, что Андерсон не была свидетелем печально известного Багрового Рождества – кровавой ночи в Университете Кэрролла, случившейся в сочельник шесть лет назад, – Аарон Кац рассказал в своей книге «Падение», бестселлере «Нью-Йорк таймс», что ведущая «Кей-би-си», тогда 24-летняя студентка, первой обнаружила жертв. Среди них: Кейт Андерсон, сестра-близнец Стефани.

Вот что сказала нам Стефани: «Скажу так. Мысль о том, что все это было одной большой тайной, сводит меня с ума. Люди так долго спрашивали меня, почему это случилось, как будто я могла представить, что происходит в голове у человека с такого рода проблемами. Как будто я только об этом и думала». Она продолжает: «Я ценю, что в книге Аарона моя сестра – личность, а не жертва. Немало времени ушло на то, чтобы изучить все факты и в точности описать события той ночи». Андерсон не стала отвечать на дальнейшие вопросы о Багровом Рождестве, сославшись на желание ее семьи двигаться дальше.

Я смотрю на дату, мое сердце бешено стучит. Три года

назад. Видимо, в какой-то момент Стеф поняла – или хотела всех убедить в том, что поняла: она не будет лезть в самую гущу событий и уж тем более снимать фильм. Может быть, она все еще не уверена, даже сейчас. Может быть, мне не придется ковыряться в своей памяти. Вот бы только...

– Детка? – Трипп просовывает голову в дверь, и я подпрыгиваю от неожиданности.

– Да! – Я как можно незаметнее отворачиваю от него ноутбук. – Я... В чем дело?

– Тебе же нравятся хорошо прожаренные стейки, да? Я помню, ты мне уже говорила...

– Хорошо прожаренные – просто супер. – Слова вырываются все разом: *хорошо прожаренные простосупер.*

– Тогда еще пять минут. – Трипп грозит мне пальцем. – Хватит работать! Поздно уже.

– Сейчас закончу. – Я растягиваю слова, чтобы скрыть неровное дыхание.

Как только он уходит, я захожу на сервер «Кей». У нас есть база данных важных персон, запароленный список, доступ к которому есть только у меня и отдела кадров. Одна минута, и я уже вижу адрес и телефон Стеф.

– Почти готово! – кричит Трипп.

Я быстро набираю номер. Слышу несколько гудков, потом меня переводят на автоответчик. *Вы позвонили Стефани Андерсон.* Буду говорить максимально серьезным и холодным тоном, чтобы она поняла: я больше не наивная дуручка.

Этот тон даже суровее того, что я использую на работе.

– Стеф, это Шарлотта Колберт. Знаю, прошло много времени. Я бы хотела с тобой встретиться. Срочно. По поводу... – Чего может хотеть такая, как Стеф? – По поводу обложки. Мы хотели бы кое-что... прояснить. – Я диктую мобильный и рабочий номера. – С нетерпением жду встречи. Пока. Пока...

– Детка, все готово.

На этот раз в голосе Триппа угадывается нотка досады. Ему нравится, когда все вокруг думают, что у него легкий характер. *Мой стиль управления основан на доверии*, – восторженно сказал он в интервью «Гарвард бизнес ревью», когда возглавил «Гудмен-Уэст». – *Я предоставляю сотрудникам свободу действий, чтобы они выполняли свою работу наилучшим образом.* Но на самом деле он обожает правила, расписания, рутину и все черно-белое. Поэтому я и влюбилась в него – отчасти. Поэтому я никогда не смогу рассказать ему правду.

– Почти все! – кричу я в ответ.

Иногда я вспоминаю, как обошлась с Джорданом, и говорю себе, что у нас с Триппом все по-другому. В двадцать три я ни черта не понимала в отношениях. Я не знала о личных границах, эмоциональном багаже и тех чертах характера, которым в отношениях не место. Я жестоко поступила с Джорданом, поэтому сразу решила, что Триппу буду рассказывать не все. Из уважения к нему, к себе сегодняшней, к будуще-

му, которое мы создаем вместе.

– Иду, дорогой.

Я запикиваю макбук обратно под диван.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ААРОНА КАЦА «ПАДЕНИЕ: ФИНАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ТРАГЕДИИ В КЭРРОЛЛЕ»

В последний день ее жизни с утра идет снег, она просыпается.

Сразу же тянется к телефону. Она знает, что увидит там его сообщение. Она читает его.

Еще раз. Она перечитывает его еще раз.

В ее комнате в общежитии нет собственной ванной. У других есть, а у нее нет. Она, как всегда, вытянула короткую соломинку. Ей приходится идти в общую ванную за салфетками, чтобы вытереть слезы, – она ненавидит общую ванную, вечно жалуется знакомым, что пользоваться общими душевыми и раковинами ужасно мерзко и негигиенично, и вот ее замечает однокурсница:

– Ты в порядке?

– В порядке. Просто скучаю по дому.

К полуночи она будет мертва.

Она возвращается в комнату. Ее ждет работа над проектом – его нужно сдать через несколько часов, – но она и не думает за него садиться. Ей грозит отчисление,

хотя никто об этом не знает. Ее научник сказал: *Ты не дотянешь до января, если будешь продолжать в том же духе.*

До января она не дотянула.

Она пишет своим родителям: «Счастливого сочельника! Я вас люблю!»

Они не ответят. Но позже вечером ей позвонит отец. Он видел новости, видел, как одни студенты рыдают, словно дети, другие не плачут, а подавленно рассказывают про кровь, крики, звуки сирен. Он оставит сообщение на ее автоответчике: *Позвони мне прямо сейчас.* Его голос срывается. *Прямо сейчас.*

Разумеется, она не позвонит.

СЕЙЧАС

Прошла неделя, а Стеф все молчит. Я оставила ей еще два сообщения. *Стеф, привет, это Шарлотта Колберт. Привет, Стеф, это снова Шарлотта.* Сегодня утром я даже попросила Джули связаться с личным помощником Стеф. Тишина.

Странно это все. *Стеф говорит, что все мы должны в этом участвовать,* – написал Джордан. – *Говорит, это и наша история тоже.* Я даже использовала свой главный козырь: обложку «Кей». У нас на обложке были четыре обладателя «Оскара», два нобелевских лауреата и один президент, их черно-белые фотографии блестяще сделал фотограф, ко-

торого я переманила к нам из британского «Вог», а Стеф хочет рискнуть своей обложкой, чтобы переиграть меня?

Просто Стеф все еще думает, что мы равны, говорю я себе. Это хорошо. Стеф не знает, насколько она сильнее.

Она довольно серьезно настроена, – написал Джордан. – Думаю, из-за того, что случилось с Кейт...

– Шарлотта? – Киша, помощница Вик, выглядывает из-за двери. – Она скоро будет. *Уолтер*, – беззвучно произносит она.

Я сижу на этаже отдела кадров, жду совещания по финансам с Викторией «Вик» Соловьевой, главой отдела кадров «Кроникл».

Киша многозначительно смотрит на мои лабутены:

– Извини, но...

Я вдруг понимаю, что стучу каблуком по полу.

– Прости, – слышу я свой ответ.

Спокойный голос Нур звучит в моей голове: *Назови три предмета, которые ты видишь. Два предмета, которые ты можешь потрогать. Один звук, который ты слышишь.* Перед собой, на мраморном журнальном столике, я вижу стопку «Кроникл». И ни одного «Кей», что очень меня бесит. Ведь именно мы привлекаем богатых рекламодателей, всех этих «Картье» и «Шанель», но все только и говорят о сенсационных материалах с Уолл-стрит, где «Кроникл» эффектно разоблачает знаменитых мужчин. Не поймите меня неправильно, эти материалы прекрасны. Но откуда берутся деньги

на поддержку филиалов по всему миру и статьи о глобальном потеплении на двенадцать тысяч слов? От наших рекламных контрактов, вот откуда.

Может быть, я скажу Вик, что «Кей» должен занять почетное место на этом столе.

Хотя кого я обманываю? Я ужасно боюсь Вик.

Мы с ней давно знаем друг друга. Не она наняла меня стажером – такими мелочами она не занимается, – но, когда у меня был так называемый *эпизод*, именно Вик сказала, что у меня вряд ли получится сохранить свое место, когда «все снова наладится». Я была младшим редактором и зарабатывала тридцать пять тысяч долларов в год. У меня даже не было 401(k)⁶.

Я не знаю, помнит ли это Вик. Наверное, нет. Когда через четыре месяца я вернулась, мое место действительно было занято, но свободно другое: личный помощник в «Кей». Работая под началом Табиты, предыдущего главреда, я подлизывалась ко всем вокруг, бралась за самую противную работу, организовывала модные показы, на которые даже стажерам было наплевать. Через год меня назначили штатным редактором, через два – старшим редактором. Когда Табита ушла в декрет, я из кожи вон лезла, чтобы получить место исполняющего обязанности главного редактора. За несколько недель до ее возвращения я добилась встречи с отцом Уо-

⁶ 401(k) – пенсионный план частной пенсионной системы в США. Накопительный счет может быть открыт только через работодателя.

лтера, тогдашним президентом «Кроникл», и показала ему результаты своей работы за последние полгода. Доходы от рекламы удвоились. Наш сайт стал гораздо популярнее. Мы напечатали статью, которая вылилась в расследование конгресса, еще по одной должны были снять телешоу. Я сказала ему: либо Табита, либо я. Я намекнула на то, что могу перейти к конкурентам. На мне был блейзер в тонкую полоску. Я ни о чем не жалею.

Не удивлюсь, если Вик думает, что зашуганный младший редактор, умолявший об отпуске, и хваткая личная помощница, которая смогла забраться на самый верх, – это два совершенно разных человека.

Два предмета, которые ты можешь потрогать. Я беру выпуск «Кроникл» с мраморного столика. Мне бросается в глаза заголовок: «Потерянный рай: Фиджи Корхонена».

Мое дыхание учащается. Рецензия на последнюю книгу Гуннара, о которой ходит много разговоров. Она о том, как глобальное потепление негативно влияет на острова в южной части Тихого океана. Третья книга Гуннара, может четвертая. После Кэрролла мы почти не общались, за исключением того электронного письма несколько лет назад: *Дорогая Чарли, пишу тебе с целью предложить купить мое эссе о том семестре в Университете Кэрролла...* В ответ я, еле попадая на нужные клавиши дрожащими руками, написала, что его эссе – пошлая безвкусица, эксплуатирующая наше прошлое, что такое может попасть в «Кроникл» или «Кей»

только через мой труп. В итоге Гуннар продал его одному из наших конкурентов, и оно побило все рейтинги, принеся ему премию Вайнхарта и еще три номинации. Мы по-прежнему иногда пересекаемся на мероприятиях, сердечно друг друга приветствуем, но на этом все.

Я бегло просматриваю рецензию. Гуннар описал страдания фиджийцев со всех сторон, отмечает рецензент, он рассказывает истории тех, «кто оказался втянут в борьбу человека и природы». Слово «первозданный» использовано дважды. Рецензия довольно пафосная, но книга такой не будет. Я уверена в этом, потому что перед тем, как отказать Гуннару, прочла черновик его эссе. Гуннар хорош, даже лучше, чем был в Кэрролле. Хорош настолько, что у меня перехватило дыхание. Я разозлилась на него, злюсь до сих пор: как он мог подумать, что я захочу пережить это заново, что я *напечатаю* его эссе в своем журнале. Ну и наглость.

Взгляд сам выхватывает ее: приписку, которая появляется в любой статье о моих достижениях, достижениях Гуннара, Стеф, даже Триппа. «Корхонен был студентом Университета Кэрролла, когда произошло так называемое Багровое Рождество – трагедия, унесшая жизни трех студентов. Позже Корхонен написал удостоенную многих наград статью “Год, которого не было” о своих взаимоотношениях как с убийцей, так и с жертвами...»

На меня накатывает знакомое тянущее чувство, да, я снова начинаю выходить из тела, мои пальцы вцепились в жур-

нал, каблук все еще стучит по полу – *нет, нет, только не на работе*. Я кладу руку на диафрагму и глубоко вдыхаю, как учила меня Нур несколько лет назад. *Вдох на четыре счета, задержка дыхания на шесть...*

– Шарлотта? – Глаза Киши выражают тревогу. Наверное, со стороны кажется, будто я глажу округлившийся живот. Беременность для отдела кадров – то же, что для меня лифты. – Она готова тебя принять.

Я поднимаюсь.

– Спасибо, Киша, – говорю я, проходя мимо нее в кабинет Вик.

Я даже выдавливаю из себя улыбку.

Вернувшись в свой кабинет, я проверяю телефон, электронную почту, автоответчик, чертов почтовый ящик – вдруг среди заискивающих записочек от рекламодателей и будущих стажеров я найду что-нибудь от Стеф. Пусто.

– Джули? Мне кто-нибудь звонил?

– Привет, э-э-э, да. – Стоя в дверях, Джули смотрит на синий стикер. – Вероника из «Гуччи», э-э-э, Оливия и... – Она поднимает взгляд на меня. – Нет, не Стефани. Хочешь, я еще раз уточню у Райли?

– Райли? – переспрашиваю я.

– Райли Мюллер. Личная помощница Стефани.

Я напрягаюсь. Так, стоп.

– Можешь кое-что проверить? Эта Райли случайно в Кэр-

ролле не училась?

При слове *Кэрролл Джули* вздрагивает.

– Ну, э-э-э, да, я слышала, что Райли и Стефани учились вместе. Райли, она вроде как...

Джули морщит нос.

Райли. Одна из студенток с потока «Радио»: эффектных, ухоженных, постоянно норовящих коснуться твоей руки. В моей памяти все они сливаются в одну энергичную девушку с идеальной осанкой, которая наклоняет голову набок, когда слушает тебя, но, кажется, я помню Райли. Она из Мельбурна. Активная. Чрезвычайно привлекательная. Не с таким сложным характером, как описывает Джули, и уж точно – это я знаю – не подруга Стеф. У Стеф не было друзей. Отчасти это делало ее и Кейт настолько разными: Кейт так хотелось теплоты и внимания, Стеф всегда была нужна только сама Стеф.

– Сколько Райли лет? – спрашиваю я. – Как мне?

Джули выглядит испуганной.

– Я, я не...

– Мне тридцать два.

– Ну да. Думаю, ей... примерно столько же.

Наверное, это она.

– Ты знаешь Райли? – спрашиваю я. – В смысле, вы встречались?

– Да, э-э-э, раз или два. – Джули прижимается к двери. – Райли такая...

Она показывает на свое лицо.

– Красотка, – говорю я.

– Да. Да. Но есть в ней, ну, э-э-э, что-то пугающее.

Значит, Стеф сделала нашу однокурсницу своей личной помощницей. Будь это кто-нибудь другой, я бы назвала это «жестом помощи», но Стеф наверняка кайфует оттого, что помыкает Райли. Живое напоминание о том, какой длинный путь она прошла за последние девять лет.

– Пожалуй, я...

Джули пятится к выходу из моего кабинета.

– Подожди.

Если кто-то и догадывается, почему Стеф так одержима этим фильмом, то это Райли. Личным помощникам доступно все: электронные письма, расписание встреч, семейное положение, другие тайны. Видит бог, Джули читала столько писем от Джордана, что знает много моих секретов.

– Перезвони Райли, пожалуйста, – диктую я Джули. – Спроси ее, свободна ли она сегодня вечером. Скажи, что я хотела бы пригласить ее выпить.

К тому моменту, как Райли заходит в «Саван», винный бар рядом с офисами «Кей-би-си», который порекомендовала мне Джули, я выпиваю два бокала розового и снова чувствую себя самой собой: спокойной и собранной. Немного воспоминаний о Кэрролле, парочка намеков на вакансии в «Кей», несколько уместных вопросов о Стеф, и я пойму,

как это остановить. Пойму, что изменилось для Стеф за последние три года, что нужно изменить, чтобы все это кончилось.

– Чарли, – еле выдыхает запыхавшаяся Райли. – Я опоздала.

Я добродушно машу рукой.

– Все хорошо, все хорошо. – Я включаю тон, которым обычно разговариваю с рекламодателями. Такой, словно мы с ними лучшие друзья, хотя на кону стоят сотни тысяч долларов. – Прошло так много времени. Выглядишь замечательно.

Это и правда и неправда. Райли по-прежнему красива: яркие светло-голубые глаза, гладкий прямой пробор, но вокруг носа и рта появились глубокие морщинки.

– Спасибо, – говорит она, падая на стул напротив меня. – Это мне? – Она показывает на стоящее перед ней вино, и я киваю. – Спасибо. Ты выглядишь...

Я жду. Для большего эффекта кладу руку на свою «Шанель», как на любимого питомца.

– Иначе, – предсказуемо отвечает она.

– Старше, – дежурно отшучиваюсь я, хотя знаю, что она имеет в виду не это.

Я никогда не была одной из тех, кого мамы называют *куколками*, и в Кэрролле даже не пыталась что-то в себе изменить: моя кожа сияла без макияжа, волосы казались нарочито взъерошенными, а не спутанными. Но потом посторонние начали узнавать меня – из-за той фотографии, где ме-

ня выводят под руки, где волосы еще темные, а лицо ненакрашенное, – и постепенно я начала меняться. Отбелила зубы на свою первую рождественскую премию. Сделала новый нос на остатки «сладких денег». Сначала осветлила волосы, потом перекрасилась в медовый блонд. Научилась ходить на каблуках. В тот день, когда меня назначили главным редактором, я пошла в «Барнис»⁷ – боже, как я скучаю по «Барнису», – чтобы купить свой первый клатч от «Ив Сен-Лоран».

Как я уже говорила, я не могу представить все то, что есть у меня сейчас, без *той самой ночи*. Чарли из Лондона, Чарли из Кэрролла, с ее джинсами из «Топшоп», отвратительной осанкой и гнездом на голове, та Чарли не выдержала бы и дня в моей новой жизни.

– Если честно, – говорит Райли, – я удивилась, получив твое... приглашение. Конечно, я знала, что ты все еще в городе, но...

Я вижу, что ей хотелось бы сказать *ты куда-то пропала*.

– Рада тебя видеть, – вру я.

– И я, и я. Что ж. – Она вздыхает. – Много вспоминается, конечно. И конечно, не самое приятное. Но это... – Она машет рукой. – Это не *твоя* вина.

Господи, да тебя там даже не было. Но я не перестаю улыбаться.

⁷ «Барнис Нью-Йорк» – американская сеть магазинов, специализирующаяся на продаже фирменной брендовой одежды. В 2020 году находящиеся на территории США магазины были закрыты.

– Я и не знала, что ты теперь работаешь со Стеф.

«Со Стеф» звучит лучше, чем «на Стеф».

– Ну. – Райли фыркает. За эти годы она изменилась не только внешне. В Кэрролле мы мало общались, но я помню, что она была веселой и дружелюбной. Кажется, она стала жестче. – На самом деле я пошла к ней не по своей воле. Проблемы с визой и все такое. Стефани финансово помогла мне. Сказала, что я буду ее помощницей всего пару лет, а потом стану продюсером. – Она снова фыркает. – Так и не стала, конечно же.

– Это ужасно, – сочувственно говорю я.

– Да уж. Я все еще должна Кэрроллу. Не могу погасить даже минимум из своей зарплаты. Мы не были *близки* во время учебы, но, когда я услышала об этой работе, подумала... – Она замолкает. – Ну, ты же ее знаешь.

Я киваю.

Райли допивает свой бокал и подзывает официанта. Он доликает ей вина, и я спрашиваю:

– Что ты думаешь про... фильм?

– Ты знаешь про фильм? – Райли удивленно наклоняет голову.

– Да.

– Вау. А я-то думала, это такой большой секрет. – Она делает глоток. – Вы со Стефани сейчас не общаетесь, да?

– Нет. Но...

– От меня ничего не зависит, – говорит она прежде, чем

я успеваю спросить. – Я передала ей твои сообщения. Дважды. Как обычно, она просто сказала: «Спасибо», и все. Может, она и перезвонит тебе, а может, и нет. – Райли пожимает плечами. – А что *ты* думаешь о фильме?

Я осторожно подбираю слова.

– Очень... странное решение. С чего вдруг она решила сделать это именно сейчас? И почему именно фильм?

– Вот-вот. – Райли кивает.

Я выжидаю.

– Это было *очень странно*, – продолжает Райли. – Ей вдруг просто взбрело это в голову, понимаешь? Раньше тема Кэрролла была, так сказать, под запретом. Никому из ее команды не разрешалось говорить о нем. Любые интервью, в которых был хоть намек на Кэрролл, – ба-бах! – летели со стола. Она сказала мне никогда не передавать ей подобные сообщения. Сказала, что они ее расстраивают.

Я пытаюсь это осмыслить. Райли продолжает:

– То есть она никогда даже и *думать* об этом не хотела, а потом она уже встречается с Аароном – ну с этим, который книгу написал, – встречается с продюсерами, режиссерами, я переносу ее *рабочие* встречи, чтобы она смогла встретиться со Стивеном, мать его, *Спилбергом*...

– Она встречалась со *Спилбергом*?

– Он отказал ей. Сказал, что занят. – Райли закатывает глаза. – Да кем она себя возомнила?

– Да уж, – тихо говорю я.

– По-моему, все дело в той истории. Она заставила ее снова задуматься о Кэрролле. Стеф поняла, что теперь можно заработать еще больше денег, подумала: *ну-у, у меня же всего три дома*, – а ведь она разговаривала с риелтором по поводу Мальдив...

– Какая еще история? – перебиваю я.

Райли явно не нравится, что ее перебили.

– Ну типа *та история*. Разоблачение. В «Таймс», помнишь?

– История, – повторяю я.

– Да. Как я уже говорила...

– Так что за история? – Райли смотрит на меня с прищуром, но я гну свое. – Ты сказала... разоблачение?

Кто-то что-то раскопал?

– Вообще-то я не должна говорить об этом. – Райли упирается чувством собственного превосходства. – Просто я думала, ты знаешь. – Она не сдерживается и добавляет: – То есть остальные-то все знают.

– Знают *что*? – Слова сами срываются с моих губ. – Что-то новое? О том, что тогда случилось? Я ничего не читала...

Я *знаю*, что ничего не пропустила. Каждое утро я проверяю гугл-оповещения.

– Нет, не то чтобы новое. Ну, не совсем.

Не совсем?

– Пожалуйста... пожалуйста, расскажи.

Я пытаюсь держать себя в руках, но мой голос дрожит. Я

вдруг вспоминаю, как заикался Джордан, когда нервничал.

Райли пожимает плечами: видимо, ей надоели эти кошки-мышки.

– Как ты помнишь, было расследование. – Трехмесячное расследование, позволившее прессе и дальше мусолить нашу историю. – Так вот, по этому поводу выходит разоблачительная статья. «Таймс» или, может быть, «Джорнэл», не помню, вроде как несколько месяцев над ней работали. В расследовании было какое-то сокрытие информации или типа того. – Она зеваает. Господи, она *зевает*. – Ты и правда ничего не слышала? Да все из Кэрролла только об этом и говорили.

Я уже очень давно не разговаривала ни с кем из Кэрролла.

– Какое... какое сокрытие информации?

– Без понятия. Но там что-то масштабное. Этим целая команда занимается, но никто ничего не говорит. Ты же знаешь, журналисты не любят *раскрывать свои источники*. – Она закатывает глаза. Да, ее сто тысяч долларов за обучение в Школе журналистики вылетели в трубу. – Ну так вот, Стефани узнала об этом, поняла, что людей все еще интересуется эта тема, и такая: *хм*. – Райли многозначительно вскидывает бровь и пафосно добавляет: – *Деньги*. Знаешь, с тех пор как Кейт...

Нет, нет, нет.

– Мне нужно идти, – выпаливаю я.

– Что ж. Ладно.

Кажется, это ее обидело.

– Мне нужно бежать обратно в офис. – Мои руки дрожат, я с трудом нащупываю несколько двадцаток и засовываю их под свой бокал. – Я угощаю. Нужно будет как-нибудь еще встретиться, и если ты не против...

– Я напомню Стефани позвонить тебе, – угрюмо говорит Райли.

– Спасибо. – Я неловко прижимаюсь к ее щеке. – Рада была повидаться.

– И я, и я. Спасибо за вино.

Она уже набирает номер.

Это не имеет ко мне никакого отношения. Я строго внушаю это сама себе, плетясь по 42-й улице. Я не принимала участия в расследовании – оно проводилось под надзором офиса госпрокурора по требованию налогоплательщиков (якобы) и газеты «Нью-Йорк пост» (вот это уже ближе к правде), – в итоге меня лишь кратко упомянули в отчете (мое имя встречается четыре раза, мои показания цитируются лишь дважды). Ради бога, да всем было наплевать на британскую жертву-слэш-выжившую, никто бы не стал инсценировать в мою честь *сокрытие информации или типа того...*

Я чувствую, как звонит телефон, и роюсь в сумке, чтобы найти его. *Стеф?*

– Да? Это Шарлотта.

– Здравствуй, Шарлотта.

Я сразу же узнаю этот голос. *Твою мать.* И зачем я взяла

трубку?

СЕЙЧАС

– Я бы хотела к вам зайти, – говорит она.

Ни «как дела?», ничего.

На том конце провода Джуд, мать Триппа. Когда мы с Джуд только познакомились, я подумала, что ее резкий, холодный тон, вероятно, в порядке вещей для нью-йоркских васпов⁸, но Трипп говорит, что она просто держит дистанцию. После нашей свадьбы, настаивает он, Джуд примет меня как родную дочь. Мне с трудом верится, что женщина, которая однажды спросила, придется ли ей планировать свадьбу по грин-карте, будет считать меня дочерью, поэтому каждый из нас остался при своем мнении. (Трипп говорит, что она пошутила. Она не шутила.)

– В восемь часов подойдет? – спрашивает она.

Слава богу, Трипп уехал по работе.

– Джуд, мы бы с радостью, но, видите ли, Трипп в Бостоне, так что...

⁸ Васпы – сокращение от «белые англосаксонские протестанты» (White Anglo-Saxon Protestants), идеологическое клише, получившее распространение в середине XX века. Обозначает представителей зажиточных слоев американского общества, способных влиять на разные аспекты жизни страны.

– Я знаю, Шарлотта. – *Черт.* – Я уже говорила с Триппом. Я все равно хотела бы к вам зайти.

Думай, Чарли, думай.

– Дело в том, что я еще на работе, у нас тут проблема со спецвыпуском...

– Если ты выйдешь сейчас, то как раз успеешь, – говорит Джуд. – Увидимся в восемь, Шарлотта.

– Джуд... – начинаю я, но она уже бросила трубку. – *Твою мать.*

Сейчас мне меньше всего, *меньше всего на свете* хочется иметь дело с Джуд. Я уверена, ей что-то нужно от меня. Джуд – наш местный мафиози: она знает, что на меня легче давить, когда мы остаемся наедине. После нашей с Триппом помолвки она пригласила меня на обед, на котором заявила, что фамильные драгоценности в их поместье в Уэстчестере принадлежат «нам по крови», и я никогда в жизни не слышала ничего ужаснее. В последний раз, когда мне пришлось встретиться с Джуд один на один, она захотела удостовериться, что мы поженимся в семейной часовне в Нантакете, а не, цитирую, «на чьем-то там заднем дворе в Англии».

Едва я успеваю вернуться в наш таунхаус, принять душ, переодеться и снова повторить про себя слова *сокрытие информации или типа того*, как дверь открывается и входит Джуд. Потому что она, конечно же, не будет ждать, когда ее впустят как простого смертного.

– Шарлотта, – говорит она, наклоняясь, чтобы поцеловать

меня в щеку. Джуд около шести футов ростом и настолько худая, что похожа на загорелый, безупречно одетый скелет. – Пройдем в салон?

(Да, у нас не гостиная, а салон. Не обращайтесь внимания.)

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – спрашиваю я.

– Спасибо, с удовольствием. Красное, пожалуйста. Бордо, если есть.

– У нас только шардоне, – говорю я извиняющимся тоном. – Я могу сбегать...

– Нет, нет. – Как все богатые женщины, Джуд взмахивает руками, будто это предложение (которого явно от меня ожидали) повергает ее в ужас. *Ничего, я как-нибудь переживу*, вот что говорит этот скорбный жест. – Шардоне подойдет.

На кухне я бросаю кубик льда в ее шардоне – Джуд выросла в Джорджии, в Саванне, и, хотя она скорее умрет, чем выдаст свой южный акцент, она пьет белое вино со льдом – и попутно делаю большой глоток из своего бокала, слово *сокрытие* все еще крутится в моей голове. Слава богу, от вина становится легче.

– Давай присядем, – говорит Джуд, когда я возвращаюсь с ее бокалом.

Это мой дом, *Джудит*.

– У меня еще есть кое-какие дела, – пытаюсь я от нее отвязаться.

– Это не займет много времени. Интригует, да? Есть вещи, которые я считаю нужным обсудить лично. Во-первых,

подружки невесты.

У меня две подружки невесты: Оливия и Фелисити. Дочь Оливии, Роуз, будет разбрасывать лепестки.

– А что?

– У тебя есть еще какие-нибудь подруги, которых ты хотела бы видеть на своей свадьбе?

У меня особо нет подруг. Такое случается, когда долго живешь за границей.

– Да нет. А в чем дело?

– У Триппа шесть шаферов, – чопорно отвечает Джуд. – Каждому в пару нужна подружка невесты, правда же? Может быть, ты могла бы пригласить еще несколько подходящих подруг для визуальной гармонии?

Это же *не то*, что я думаю, да?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, во-первых, дети на свадьбе ни к чему. Дочери вашей подруги – Розы? – только-только исполнится два. Уверена, тебе приходилось бывать на тех ужасных свадьбах, которые испортили детские крики. Еще я думаю, что мы должны позаботиться о фотографиях. Даже если «Вог» решит опубликовать их только онлайн, нам нужно создать определенный образ.

Внутри меня все кипит от гнева. На минуту я даже забываю о Стеф и Райли.

– Вы говорите о Фелисити?

– Я говорю о свадьбе в целом, – спокойно отвечает Джуд. –

Церемония будет смотреться органичнее, если добавить подружек невесты.

Чушь собачья.

– Если вы имеете в виду мою сестру, – резко говорю я, – то я не собираюсь прятать ее за кучей подружек невесты.

(Я же не включила британский выговор, да?)

Джуд остается невозмутимой. И неудивительно: она не может пошевелить лицом с девяностых.

– Думаю, ты неправильно меня поняла, Шарлотта. Меня волнует свадьба, а не какой-то конкретный человек.

Надо будет сказать маме и папе, чтобы они не подпускали Фелисити к Джуд после церемонии. Если она доведет мою сестру до слез, сказав, что у нее пошла стрелка на колготках или размазалась помада, я вышвырну ее со свадьбы, которую она же и оплатила.

– Я подумаю насчет подружек невесты.

Да пошла ты, даже не собираюсь об этом думать.

– Хорошо. Хорошо. Есть еще... кое-что. – Впервые за все время нашего знакомства с Джуд я замечаю в ее глазах что-то похожее на страх. – Сегодня Старшему позвонили. – Гудмен-Уэст-старший – отец Триппа, бывший президент их семейной компании. Я бы назвала его личностью мирового масштаба – в том смысле, что он большой и громкий, а еще кайфует от звука собственного голоса, хотя семья называет его, цитирую, «патриархом». – Позвонил наш старый друг, – говорит Джуд. – Исполнительный директор, э-э, сайта «Дед-

лайн». – Она произносит слово «сайт» так, будто это притон для наркоманов. – Может быть, ты еще не знаешь, но то, что произошло в Университете Кэрролла, ляжет в основу будущего фильма.

Если только я что-нибудь не придумаю.

– Да, я об этом слышала, – осторожно говорю я.

Джуд никогда не нравилась моя причастность к той самой ночи. Я редактор известного журнала, но для Джуд я все еще глупая двадцатитрехлетняя девчонка, угодившая в водоворот желтой прессы. И все же Джуд, равно как и ее сын, ценит тактичность. О неприглядных вещах надлежит говорить осторожно. Это первый раз, когда она напрямую обсуждает со мной – не с Триппом – мое прошлое.

– Кажется, в среду должен выйти анонс, – продолжает Джуд. – У «Дедлайна» есть «эксклюзив».

Я чуть не роняю свой бокал. *Господи.* Я-то думала, у меня есть недели, месяцы. Как только мир узнает об этом, как только фильм перестанет быть просто идеей в голове Стеф...

Джуд продолжает:

– Нам сказали, что ты будешь главной героиней.

Ну конечно, я. *Ну конечно, я.*

Пройдет совсем мало времени. Все начнется с какого-нибудь подкаста о преступлениях, чересчур бдительного пользователя «Реддита». *Послушайте, здесь что-то не сходится.* Затем сыщики-любители из каждого уголка страны начнут изучать протоколы, временную шкалу, угол, под кото-

рым ее конечности раскинулись на снегу...

– Когда этот фильм выйдет на экраны, ты будешь Гудмен-Уэст...

Я выхожу из тела, мое тело все еще здесь, оно сидит на заботливо отреставрированной кушетке бабушки Триппа, слушает, как Джуд рассуждает о клевете, сплетнях и репутации семьи, но часть меня где-то там, далеко-далеко, она не слушает, она вообще в другом месте...

– ...брачный контракт, – говорит она. – Даже если бы не эти обстоятельства, мы со Старшим все равно настаивали бы на этом. Это нормально для подобного брака...

Подобного брака? Я с трудом соображаю.

– ...мы считаем, что тебе нужно встретиться с Грегори. И как можно скорее.

Грегори – семейный адвокат. Точнее, главный семейный адвокат. Не секрет, что они задействуют целую команду адвокатов каждый раз, когда Тоби попадает под суд за вождение в нетрезвом виде или Трент лапает стажера по маркетингу...

Стоп. Стоп.

– У вас же много адвокатов, – выпаливаю я. – То есть у «Гудмен-Уэст».

Джуд быстро кивает.

Я никогда особо не задумывалась о возможностях Гудмен-Уэстов. Но теперь, когда фильм Стеф кружит вокруг меня, как голодная акула, я вдруг осознаю: у меня *есть* адво-

каты. Я пока не Гудмен-Уэст, но на моем пальце уже красуется фамильное кольцо времен Гражданской войны, в которой семейство Джуд было не на той стороне. Через несколько месяцев адвокаты Гудмен-Уэстов будут работать на меня так же, как и на Джуд.

– Могу я... Может быть, я могла бы встретиться с ними? Узнать, в силах ли они... сделать что-нибудь с фильмом?

Мне кажется, я *вижу*, как роятся мысли в голове у Джуд. Она думает: Шарлотта Гудмен-Уэст будет тем самым именем, которое они используют в конце фильма. Над фото Школы журналистики медленно появляются слова: *Шарлотта Гудмен-Уэст все еще живет в Нью-Йорке*. Пауза. Слова исчезают. *Она никогда не высказывалась о событиях той ночи*.

Что ж, Джуд, если ты думаешь, что *это* самое страшное...

– Думаешь, мы еще можем что-то сделать? – спрашивает она. Прежде чем я успеваю ответить, она продолжает: – Ты же знаешь, Триппу уже пришлось через многое пройти.

Я не сразу понимаю, о чем речь. Она говорит о Дениз, университетской подружке Триппа, которая разбилась в автокатастрофе, когда ему было чуть за двадцать. В моем воображении Дениз носит свитера от «Лилли Пулитцер» и называет себя «хорошей наездницей» без всякой задней мысли, что, наверное, не очень справедливо по отношению к бедной погибшей девочке.

– Да, – твердо говорю я.

Не знаю, при чем здесь Дениз, но, когда спасательный круг

проплывает мимо меня, я за него хватаюсь.

– Если *можно* что-то сделать, чтобы защитить вас... вас обоих... – говорит Джуд теперь уже почти ласковым тоном.

Впервые мне кажется, что мы с Джуд на одной стороне. Я выпила три бокала вина, и, наверное, поэтому мне хочется плакать, поэтому мне хочется рассказать ей, как я боюсь, что они найдут что-нибудь.

Она позвонит в полицию, – напоминаю я себе. – Она будет защищать своего сына, свою семью от такой, как ты.

Поэтому я просто говорю:

– Я понимаю.

– Разумеется, мне нужно поговорить со Старшим.

– Разумеется, – тихо повторяю я. Чтобы добиться своего от Джуд, вы должны подыграть ей, когда она изображает из себя помощницу своего мужа, даже если прекрасно знаете, что на самом деле всем заправляет именно Джуд. – Спасибо.

Она тянется за своей сумочкой от «Эрмес». Я знаю, снаружи ждет водитель, чтобы отвезти ее обратно в Уэстчестер.

– Будем на связи.

Как только Джуд уходит, я иду в спальню и задергиваю шторы. Нужно позвонить Триппу и сообщить ему новости об анонсе. «Думаю, будет лучше, если он услышит это от тебя, Шарлотта», – сказала Джуд перед уходом, но я не звоню ему. Вместо этого я снимаю юбку и свитер и смотрю на себя в зеркало. Я все такая же худая, как и девять лет назад. По-

сле той самой ночи аппетит ко мне так и не вернулся, и на это Кейт могла бы много что сказать. Кейт обожала делиться едой, она всегда забегала ко мне, чтобы всучить что-нибудь кипящее, отдающее пластиком: покупные мак-энд-чиз, лапшу рамэн, все, что она могла приготовить в мультиварке, которую прятала, когда в дверь стучался какой-нибудь лаборант...

Стоп. Это мой *телефон*?

Я бегу обратно в салон. Когда я нахожу телефон где-то среди подушек, он уже не звонит. Я проверяю номер: мобильный Стеф, тот, который я нашла в базе данных «Кей». Уже поздно, почти полдесятого, но она же ведет вечернее шоу. Наверное, только что закончила.

Я перезваниваю.

– Стефани Андерсон.

– Стеф? Это... это Чарли.

– Стефани, – поправляет она.

– Точно. Прости. Это Чарли.

Черт, я уже говорила это, да?

– Извини, что не отвечала на твои звонки. – За последние годы я несколько раз слышала ее голос в рекламе на радио и, конечно, в шоу, но он все равно меня напрягает. Хотя, возможно, голос Стеф, приторный и слегка гнусавый, всегда меня напрягал. – Знаешь, шоу было просто огонь. Ты что-то хотела?

И она не скажет *ни слова* про фильм?

– Я... я бы очень хотела встретиться с тобой, – чуть помедлив, говорю я. – Как можно скорее.

– Можно узнать, в чем дело?

Не стоит говорить об этом по телефону. Мой звонок не заставит ее передумать.

– Я бы лучше поговорила лично.

– Подожди, я проверю расписание. – Пауза. – Почти весь следующий месяц я буду в Лос-Анджелесе, потом поеду в Гринвич на каникулы. Как насчет второй недели января?

Это же два с лишним месяца.

– Вообще-то, мне хотелось поскорее, – говорю я мягко, но настойчиво. – В идеале – на этой неделе.

– Я в самом деле занята...

– Да, понимаю. Для меня это очень важно, Стеф.

Черт *возьми*, ну я же четко сказала себе, что не буду перед ней пресмыкаться.

Несколько секунд она молчит.

– Я готовлю спецвыпуск своего шоу, – говорит она наконец. – Мы работаем над новым проектом. Средства гигиены для сомалийских девушек, чтобы они могли спокойно ходить в школу.

Ее слова совсем сбивают меня с толку.

– Понятно. Это... здорово.

– Мы были бы так благодарны «Кей» за помощь. – Ее тон стал немного теплее. – В конце концов, когда речь заходит о поддержке женщин, особенно малоимущих, мы все должны

быть солидарны. Что касается обложки...

– Ну, я...

– Но ты должна сделать спецвыпуск, – нагло заявляет она. – На обложке я и несколько девушек. Заголовок «Отставание прав женщин».

– Наверное, я смогу это устроить.

На работе, конечно, сильно удивятся, но мне плевать.

– Твой спецвыпуск должен выйти на той же неделе, что и мой. Скорее всего, в начале декабря.

– Ладно.

– Отлично. – Еще одна пауза. – Я смогу в пятницу. В одиннадцать утра. У меня будет свободный час. Тебе придется прийти ко мне в офис.

Пятница. Через два дня после анонса фильма. Я хотела поговорить со Стеф до среды, убедить ее отказаться от этой идеи.

– А может быть, в начале недели...

– Я *ужасно* занята, – перебивает Стеф. – Если ты не можешь в пятницу...

Ничего страшного не случится. Сколько фильмов после анонса забросили куда подальше.

– Я могу в пятницу, – быстро отвечаю я.

– Отлично. Я поручу Райли все подготовить. И да, Чарли.

– Да? – Я стискиваю зубы.

– Если поедешь из центра, не захватишь с собой какой-нибудь нормальный кофе со льдом? Немного молока, поболь-

ше льда. Кофе здесь просто кошмар.

СЕЙЧАС

– Попробуем экспозиционную терапию, – говорит Нур. – Мы поговорим о том, что ты помнишь, сначала поверхностно, а затем углубимся в детали. Когда почувствуешь сильную эмоцию, постарайся зафиксировать ее. Даже если это будет неприятно...

Сидя на плюшевом диване в кабинете Нур, я подаюсь вперед, подпираю голову руками и, стиснув зубы, говорю:

– Хорошо, я готова.

– Когда появится чувство дискомфорта, я, как всегда, попрошу тебя оценить его по десятибалльной шкале. – (*Это что, треклятый отзыв на «Амазоне»?!* – завожусь я, а потом говорю себе: – *Ты ведешь себя как стерва. Потому что нервничаешь.* Ненавижу терапию.) – Если захочешь остановиться, мы остановимся. Иногда я буду прерывать тебя, даже если ты решишь продолжать, ведь мы же хотим, чтобы все было под контролем. Правда?

Нур подмигивает мне так, будто она в восторге от всего этого.

– Правда. – Я не собираюсь улыбаться ей в ответ. Я злюсь,

злось беспричинно и по-детски из-за того, что вынуждена это делать, что не могу сама разобраться с пробелами в памяти. – И я вспомню вещи, которые блокирует мой мозг? Вот так просто?

– Я не знаю, что именно ты помнишь, Чарли, – мягко говорит Нур. – Мы никогда не говорили о том, что ты видела той ночью. Я знаю только то, о чем писали в газетах.

– А о чем писали в газетах?

Ощущение такое, что мне отдирают болячку.

– Среди вас был человек с ментальным расстройством, и ему не оказывалась должная помощь...

Я фыркаю.

– Думаешь?

Надо отдать должное Нур, она и бровью не повела. Я ценю ее за то, что она позволяет мне злиться. Даже огрызаться.

– Этот человек принес с собой нож. Произошла ссора. Несколько твоих друзей были ранены. Двое из них погибли. Ты была там, но не пострадала. Я все верно говорю или что-то не так?

– Не все они были моими друзьями, – бормочу я.

Нур ждет.

– Я солгала полиции, – говорю я хриплым голосом. Знаю, Нур ничего не расскажет, но все равно чувствую себя беззащитной. – Я им сказала, что помню все. От начала до конца. Я была единственной, кто видел все, абсолютно все, так что они... – Я перевожу дыхание. – Они поверили.

– А что именно было ложью? – спрашивает Нур.

– То, что случилось в конце. Я все выдумала... – Меня бросает в жар, когда она начинает что-то писать. – Не надо! Пожалуйста.

Нур кладет ручку и в извинении поднимает руки.

– Это черная дыра. Как я тебе и говорила. На первом сеансе. Но я так боюсь, что... – Я замолкаю. В моей голове звучат слова, сказанные Лив много лет назад, когда она еще училась на психолога: *Все, что рассказывают пациенты, является врачебной тайной, если только это не причиняет вреда им самим или кому-то другому.* – Я боюсь, что с выходом фильма все узнают о моей лжи, – тихо договариваю я.

По крайней мере, это хотя бы отчасти правда. Как и все, что я сказала полиции.

– И я не хочу, чтобы моя семья снова переживала такое, – добавляю я. – Не хочу... *очень* не хочу иметь дело с... – Я закрываю глаза, вспоминаю вспышки камер и шепот за спиной. Мою сестру, плачущую в трубку. Это все правда. – В прошлый раз я еле справилась. Ты помнишь.

Она кивает.

– Почему ты думаешь...

– Я должна вспомнить, – перебиваю я. В этом весь смысл, вся соль, вся фишка. Наконец-то узнать, что произошло, пока кто-нибудь не опередил меня. Узнать, что произошло, пока Стеф или кто-либо другой не использовал это против меня. – Пожалуйста. Давай начнем.

Нур попадаетея на крючок.

– Расскажи о своих первых днях в Кэрролле.

– Я, Кейт и Гуннар, – начинаю я. Так непривычно. Прошли годы с тех пор, как я в последний раз произносила эти имена вслух. – Нас было трое.

ТОГДА

В тот первый вечер я пошла к Кейт, держа в руках мягкий зеленый плед, и робко постучала в дверь. Внутри раздался хохот, но никто мне не ответил.

Я постучала еще раз.

Она открыла дверь. Веселая, босая, в шортах и гигантской футболке.

– Чарли! – радостно воскликнула она, как будто увидела старого друга.

– Спасибо, возвращаю, – сказала я, протягивая плед, но Кейт уже махала мне: «Давай, заходи!»

У нее на кровати худенький парень с платиновыми волосами и в круглых очках сворачивал косячок.

– Знакомься, это Гуннар! – взвизгнула Кейт. – Гуннар, это Чарли, помнишь, я говорила, она тоже с «Журналов»...

– Привет, – ответил Гуннар. – Чарли – это же мужское имя, разве нет?

– Извини за сегодняшнее утро, – сказала Кейт. – Ты, наверное, подумала: «Какая-то чокнутая!»

– Ну...

– Со мной было то же самое, – сказал Гуннар. – Я только прилетел, приехал сюда и, типа, так устал. Кейт схватила меня и завопила. – Он запищал с американским акцентом: – «Боже мой, Гуннар, ты из Осло, это так клево!»

– Эй, «клево» я не говорила, – смеясь, сказала Кейт. – Чарли, а хочешь пиццу? Чарли из *Лондона*, – торжественно добавила она, глядя на Гуннара.

– В Америке очень классная пицца, – сказал Гуннар.

– Уверена, в Норвегии тоже есть много чего классного, – любезно ответила Кейт.

Я думала, как бы мне уйти. Кейт была такой милой, веселой и жизнерадостной, но на лице Гуннара читалось равнодушие, и я так ужасно устала.

– Наверное, мне лучше, ну...

– Лучше остаться и затусить с нами! Пожалуйста! – Кейт похлопала по кровати рядом с собой. – Нам с Гуннаром нужен новый лучший друг!

– Да хватит уже, – проворчал Гуннар.

– А еще, еще... – Кейт нырнула под кровать и начала что-то там искать. – ...где-то тут... Ага, вот!

Она радостно помахала перед нами бутылкой водки.

Я посмотрела на Гуннара. (Мне было двадцать три, не пятнадцать.)

– Американцам позже разрешают пить, – объяснил Гуннар. – В двадцать один. Они так, – ухмыльнулся он, – этого

ждут.

– Да я уже давно пью, – быстро сказала Кейт. Она сделала глоток водки и поморщилась. – Брр. Я, конечно, привыкла, но все-таки... брр!

– Ну да, привыкла она. – Гуннара явно не убедили ее слова. – Еще что-нибудь найдется?

Немного пошарив под кроватью, Кейт бросила ему банку диетической колы. Гуннар встал с кровати – ростом он был ниже меня и Кейт, стройный, грациозный, чем-то похожий на танцора, – и налил водку с колой в пластиковые стаканчики.

– Не думаю, что это вкусно, – сказал он, протягивая мне стаканчик.

К тому моменту, когда принесли пиццу, я уже освоилась: мы с Кейт хихикали, расслабленно растянувшись на полу. Ее нога иногда случайно задевала мою. Я всегда питала слабость к «Кейт мира сего»: веселым девчонкам, которые говорили все, что взбредет им в голову. Как и все они, Кейт быстро привязывалась к людям – не знаю, была ли она такой всегда или же так на нее повлияла водка, мне было все равно, – она постоянно дотрагивалась до меня, тянулась к моей руке, и от этого я чувствовала себя в безопасности.

– Эй, эй. – Она тыкала пальцем в телефон. – Зак пишет, что у них намечается вечеринка. Мы же пойдем, да?

– Стеф и Зак – та еще *парочка*, – произнес Гуннар, жуя пиццу. Он сидел по другую сторону от меня и энергично ел,

тихонько задевая меня плечом. – Зак такой...

– Тебе надо просто узнать его получше. – Кейт склонилась над телефоном, ее ногти застучали по экрану. – И они не *парочка*. Не совсем. Да и вообще, Джордан тебе понравится!

– Джордан? – переспросила я.

– Скоро познакомитесь, – сказала Кейт, кидая телефон в сторону. – Прикончим пиццу? Я написала Заку, что мы придем через пятнадцать минут.

Апартаменты Зака были в нескольких кварталах от нашего кампуса, на предпоследнем этаже *шикарного* здания. Дверь открыл высокий и очень привлекательный парень: глаза цвета морской волны, рельефные мышцы.

– Так-так, кто это тут у нас, – сказал он хриплым голосом. – Моя любимая близняшка. И... – Он перевел взгляд на меня. – Мы же не знакомы, да? Я Зак.

– Чарли.

Что-то смутило меня в том, как он смотрел на нас с Кейт. Как на добычу.

– И тебе привет, – буркнул Гуннар.

– Что ж, добро пожаловать в Шато де Зак! – Зак жестом пригласил нас пройти за ним в стильную просторную кухню. За окном виднелась пожарная лестница, вся в сверкающих огоньках. – Могу я предложить вам что-нибудь выпить, *mes chéries*⁹? Джин, розовое, сидр...

⁹ Мои дорогие (фр.).

– От сидра бы... – начала я, и Зак бросил мне банку, но я не смогла ее поймать, она с *грохотом* упала на пол. – Извини, – пробормотала я.

По винтовой лестнице на кухню взбежал парень с веснушками и волосами пшеничного цвета. Он поднял мою банку. На нем была рубашка в цветочек и шлепанцы, обычно так ходят мачо, но он, увидев нас, застенчиво опустил голову.

– Эй, народ, как здорово, что вы пришли.

– Не трогай банку, а то она рванет, – сказал мне Зак, снова открывая холодильник.

– Я Джордан. – Парень в рубашке в цветочек неловко помахал мне. Он говорил с южным акцентом, тянул гласные, его речь звучала почти нараспев. – Сосед Зака по комнате.

Ко-о-ом-нате.

Зак крикнул кому-то внизу:

– Эй, девчонки! Кейт, Гуннар и, э-э-э, Челси уже здесь!

В состав «девчонок» входили: Элиза, худощавая девушка с белокурыми локонами до талии, Райли, красотка с потока «Радио», говорившая с сильным австралийским акцентом, и Дия – Ди – учебный ассистент нашего потока. «Я на несколько лет старше всех вас», – сухо пояснила она. То, что Ди старше, *чувствовалось сразу* – в длинной плиссированной юбке и накрахмаленной блузке она была похожа на учительницу, – но мне понравилось, как она нахмурилась и недовольно сжала губы, когда Зак начал хвастаться своими рекордами по серфингу и алкогольными победами.

– Кейт, где твоя сестра? – резко спросил он.

– Наверное, ролики монтирует.

Кейт сказала это как бы невзначай, но явно с подколом.

Зак присвистнул.

– Ух, какая штучка, – сказал он мне, кивая в сторону

Кейт. – Прямо как ее сестра. А ты уже знакома со Стеф?

– Еще нет. – Я попыталась поймать взгляд Ди, той самой остроумной ассистентки, но она смеялась вместе с Гуннаром, поэтому я повернулась к миниатюрной девушке с кудряшками, как у Рапунцель. К Элизе. – Ты тоже живешь в общезитии?

– Конечно.

Она моргнула, глядя на меня из-под белесых ресниц. В своем легком розовом сарафане Элиза была похожа на ребенка. *Только вот она не ребенок*, – подумала я, увидев, с каким вождением смотрит на нее Зак.

– Я только сегодня приехала, – сказала я после неловкой паузы.

– Круто, – ответила Элиза.

У нее был высокий, почти детский голос. Не знаю, стеснялась она или просто уже опьянела, или и то и другое, но я все пыталась разговорить ее.

– Честно говоря, я никак не могу поверить, что я здесь, может, из-за разницы во времени, но это так...

– Я испытывала то же самое, когда приехала сюда. – У Элизы, как и у Джордана, был южный акцент, но у нее

он казался не таким заметным. – Этот город такой... шумный? – Она говорила медленно и осторожно, как бы потихоньку расслабляясь. – Но мой парень, Мэтт, ну, мой бывший парень, он всегда мечтал жить здесь...

К нам подошел Джордан, он приобнял Элизу за плечи. В нем удивительным образом сочетались уверенность и застенчивость, одной рукой он обнимал белокурую феечку, а другой нервно убирал волосы с лица.

– Наро́д, вы в кампусе встретились?

– Мы только познакомились, – ответила Элиза.

– Ты откуда? – поинтересовалась я у Джордана.

Он хорошо бы смотрелся на ферме, за рулем трактора. Вокруг снуют куры, а он кричит им: «А ну, мотайте отсюда!»

– Из Меридиана, это такой городок в Миссисипи. – В отличие от Зака, во время разговора Джордан смотрел мне в глаза, но его голова все еще была низко опущена, пшеничные волосы почти закрывали верхнюю половину лица. – Но учился я в Вашингтоне. – Элиза сбросила руку Джордана и отошла от нас. – Ты из Лондона, да? Я всегда хотел побывать там, но...

Побы-ва-а-а-ать.

– Мне нравится твой акцент, – вырвалось у меня.

– Да? – ухмыльнулся Джордан. Я заметила эту милую привычку, еще когда Элиза дразнила его. (О боже, Чарли. *Хватит.*) – На самом деле я почти уже избавился от него. Дома надо мной посмеиваются. Раньше я говорил так... – Он низ-

ким голосом протянул: – «Ну, черт побери, Саванна!»

– Какая Саванна? – спросила я.

– У нас там все Саванны, – сказал он. – Ну, не все. Хотя я был влюблен в парочку Саванн. – Под его веснушками показался легкий румянец. – Народ, а вы все только сегодня приехали?

– «Народ»! – Я радостно захлопала в ладоши. Видимо, я опьянела сильнее, чем думала. – Будет странно, если я начну так говорить?

– Да уж, – послышался голос Гуннара за моей спиной.

Кейт растолкала всех и обняла меня за талию.

– У тебя такой милый акцент. – У нее заплетался язык: *акцент*. – Смотри не попади под влияние Джордана, подружка! – Она стукнула меня бедром. – А то ведь он у нас такой, типа, секси-фермер.

– Справедливости ради, – невозмутимо вставила Ди, – Джордан не фермер.

Еще один шот – «обязательный в Шато де Зак», по словам самого Зака, – и Кейт уже с трудом стояла на ногах. Зак поручил нам с Гуннаром вывести ее из квартиры, если вдруг «она начнет блевать», но даже на лифте мы еле успели. Кейт, шатаясь, вышла на улицу и села на землю, уткнувшись лицом в колени.

– *Американцы*, – надменно произнес Гуннар.

Но мне хотелось защитить Кейт, у которой тушь уже размазалась по щекам. Одной рукой я убрала ей волосы с лица,

а другой погладила по спине, как делала с Фелисити, когда та болела.

Ее вырвало в канаву.

– Все хорошо, – посочувствовала я.

– Извини, – прошептала Кейт.

– Знаешь, ее отец сенатор, – вдруг сказал Гуннар. – Отец Элизы. Сенатор Моррисон-Винтер. Я читал о нем...

– *Что за...*

Перед нами стояла более худая и злая версия Кейт. У Кейт 2.0 были длинные волосы, темные и блестящие (а у Кейт – жидкие, каштановые), и загорелые костлявые ноги. Идеально сидящий топ и шелковые шорты – на такой наряд я бы уже давно что-нибудь пролила.

– Кейт, черт возьми, встань! – рывкнула она.

– Стеф, – простонала Кейт.

– О, близняшка! – воскликнул Гуннар.

– Да уж. – Стеф рывком подняла Кейт на ноги и вытерла ей рот тыльной стороной ладони. – Смешно даже.

– Она в порядке? – спросил знакомый голос позади нас.

– *Подождите.* – Стеф поправила волосы сестры. У нее, в отличие от Кейт, не было шрамов от угревой сыпи. И вообще, ее кожа сияла как у модели из глянцевого журнала. – Господи, на кого ты похожа. – Она повернулась ко мне. – Поможешь отвести ее домой?

– Народ, у вас все в порядке? – К нам подошел Джордан. – Мы увидели вас сверху.

Ди стала деловито нащупывать пульс Кейт, что, кажется, было уже чересчур.

– Кейт, ты меня слышишь? Ты понимаешь, где находишься?

– Д-да, – икнула Кейт.

Я хотела подойти к ней поближе, но споткнулась и схватила Ди за руку, чтобы не упасть.

– Ты что, тоже на ногах не стоишь? – резко бросила мне Стеф, взваливая на себя сестру. – Боже, Кейт, я думала, ты на диете.

Господи. Теперь мне стало понятно, как могла бы выглядеть злобная Кейт.

– Я вызываю такси, – сказала Ди тоном, не требующим возражений. Она обратилась ко мне: – Чарли, загляни к ней ночью, убедись, что она в порядке...

Послышался тяжелый вздох Стеф.

– Боже, да у нее *кровь*.

Все мы, включая саму пострадавшую, проследили за взглядом Стеф и увидели кровь и царапины на коленях Кейт...

СЕЙЧАС

– Так, так, Чарли, продолжаем, – говорит Нур. – Кровь и царапины на коленях Кейт.

Я отвечаю не сразу.

– Шесть, – говорю я, в горле пересохло. – Это... это шесть.

– Хорошо. Хорошо. Зафиксируй эмоцию.

В горле пересохло? Да. Кончики пальцев онемели? Да. Меня бросает в жар? Да.

До этого момента я не помнила про колени Кейт, разбитые как у ребенка. Мы с Гуннарсом мазали их антисептиком и наклеивали пластыри на царапины, словно мы знали ее уже очень давно.

А еще я не помнила, как через несколько недель ей наложили швы.

ТОГДА

Швы были тонкими и черными, будто ее волосы были пришиты ко лбу, как у куклы. Часть их, слева от пробора, пришлось состричь. Кожа вокруг швов была розовой и воспаленной. *Франкенкейт*, как прозвал ее Гуннар.

Но Кейт нравились ее швы. Их можно было обсудить с кем угодно.

– Я напилась в хлам, – говорила она об этом всем подряд, махала руками, рассказывая о «Пузырьках и кандалах», черничной водке и море крови, потому что даже от легкой травмы головы бывает *много* крови, ты же в курсе, да?

Однокурсники морщились, но по-доброму, потому что Кейт любили все. Прошел всего месяц с начала учебы, но она уже стала душой компании.

Мы сидели в больнице на жестких пластиковых стульях, пока ей зашивали голову, и Гуннар спросил меня:

– Как это произошло? Она просто... упала?

Я зевнула.

– Гуннар, она так напилась...

СЕЙЧАС

– Все, стоп, – раздается голос Нур. Я слышу ее, но не могу ответить.

А что делала я в тот момент, когда Кейт упала с винтовой лестницы в доме Зака на вечеринке «Пузырьки и кандалы»? Помню, я много выпила, я пила так бездумно, почти так же, как Кейт в ту первую ночь, после которой я часто подкалывала ее. На той вечеринке она меня выбесила, мы подустали друг от друга после первого месяца учебы, когда были неразлучны. В тот вечер она, шмыгая носом, икая и шатаясь, оттащила меня от Джордана, ее разноцветные ногти впились мне в руку, а потом она сорвалась на меня и убежала, а я пошла еще выпить. *Типичная Кейт*, – раздраженно бросила я кому-то.

Почему я не помню, что делала, когда она упала с лестницы? У Зака были большие апартаменты, одни из самых больших, что я видела в городе, но все равно – это были апартаменты в Нью-Йорке, а не какой-нибудь там замок. Может, футов девятьсот. Конечно, я слышала, как Кейт кричала.

Все эти годы меня пугала мысль о том, *что* я могла сделать той ночью на одиннадцатом этаже. *Я не стала бы этого делать*, – твердила я сама себе. – *Не стала бы*. Но даже если я все-таки это *сделала* – это был первый и последний раз, когда мой мозг отключился и кто-то пострадал.

Но что, если такое уже случилось?

– Чарли. Чарли. – Голос Нур звучит более настойчиво. – Мы закончили.

Я прихожу в себя, мне страшно, меня тошнит.

СЕЙЧАС

«ДЕДЛАЙН»: СТЕФАНИ АНДЕРСОН НАЗНАЧЕНА ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПРОДЮСЕРОМ ФИЛЬМА О БАГРОВОМ РОЖДЕСТВЕ

15 ноября. Компания Стефани Андерсон «С. Андерсон медиа» совместно со студией «Спайр» экранизирует бестселлер «Нью-Йорк таймс» «Падение» – книгу Аарона Каца о трагедии в Школе журналистики Университета Кэрролла. На главные роли утверждены Алисия Флинн и Кэмерон Толедо, а сценаристом станет сам Кац. Андерсон, чья сестра Кэтрин первой подверглась нападению, займет место исполнительного продюсера вместе с ветераном «Спайр» Ли Харрисом.

Над леденящей кровью историей о магистрах, ставших жертвами нападения в канун Рождества, Кац работал два года. Для своей дебютной книги он взял более сотни интервью, опросил почти всех однокурсников убийцы. Среди студентов, с которыми беседовал Кац, была сама

Андерсон. В то время она училась в Кэрролле и стала первой, кто оказался на месте преступления.

«Я счастлива работать с Аароном над этим важным проектом, – заявила Андерсон. – Аарон всегда относился к нашей трагедии с должным уважением и тактом, и я знаю, он будет придерживаться тех же ценностей при работе над фильмом. Для всех нас важно внести ясность».

Создатели фильма также планируют использовать материал из статьи «Год, которого не было», написанной бывшим студентом Кэрролла и лауреатом премии Вайнхарта Гуннаром Корхоненом. Представитель Школы журналистики Университета Кэрролла от комментариев отказался.

Первый звонок застал меня в душе.

С тех пор как мы с Нур стали вспоминать Кэрролл, я хожу в душ два раза в день, утром и вечером. Еще немного – и Трипп заметит. Я встаю под обжигающе горячую воду и принимаюсь за свой ежедневный ритуал: тщательно брею ноги, даже если волосы еще не отросли, намыливаю голову медленными круговыми движениями, тру кожу мочалкой, пока она не покраснеет. После того, как *это* случилось, я часто садилась на пол в душе, обхватывала колени руками и пыталась спокойно дышать, но теперь я взрослая, поэтому просто моюсь так, что аж кожа скрипит.

Наша с Триппом ванная – улучшенная версия ванной, которую я делила с тремя девчонками в квартире в Уильям-

сберге (здесь мне хватает напора, чтобы промыть волосы). Там не проходило и десяти минут, как кто-нибудь начинал стучать в дверь, вежливо, но настойчиво интересуясь, скоро ли я выйду. Теперь я могу провести в тишине целый час – только я и шум воды. Мне *не хочется*, чтобы Трипп или кто-то еще стучался ко мне, но я как будто чего-то жду, сама не знаю чего.

Я в мельчайших деталях помню, как принимала душ в ту самую ночь. Мне пришлось долго сидеть в запачканной одежде, и даже после того, как они забрали ее и упаковали в пакет, я все так же сидела там с пятнами крови на шее и руках, только теперь уже в больничном халате. *Облегчение* наступило от того самого душа, я смотрела, как кровь стекает мне под ноги и исчезает в сливе. Я почти не помню тот день и весь последующий месяц, но я помню чувство невероятного облегчения от того душа, как будто я смыла с себя то, что произошло, и вышла чистой, благоухающей и обновленной.

Когда раздается этот звонок, примерно через час после анонса в «Дедлайн» – он вышел в среду утром, как и сказала Джуд, – я сижу в душе по-турецки, подставив лицо под струи воды.

– Детка? – зовет меня Трипп, и я хватаю бритву, чтобы мои страдания могли сойти за бритье ног.

Но он не заходит ко мне, поэтому я выключаю воду и кричу:

– Что?

– Тебя к телефону. Городскому.

Городскому? Мне никогда не звонят на городской. У кого вообще есть номер моего городского? *У мамы и папы*, с ужасом вспоминаю я. Если что-то случилось и родители не дозвонились на мобильный, они могут позвонить на городской.

Я бросаю бритву и выбегаю из ванной, на ходу хватая полотенце. Мои ноги скользят по паркету.

– Да? Алло?

У меня перехватывает дыхание.

– Алло, это Шарлотта Колберт?

Голос звучит очень официально.

Больница? Полицейский участок?

– Да, да, это я.

– Это Рене Кампо из «Вэнити Фэйр». – Она не дает мне опомниться и продолжает тараторить. – Я звоню, потому что мне поручили написать о вас в связи с выходом фильма...

– *Что?*

– Это не очередной вброс, – быстро говорит она. – Я таким не занимаюсь. Мы хотим напомнить о вас читателям. Понимаю, вы имеете право на частную жизнь, но все-таки вы публичная персона, и когда люди поймут, что главный редактор журнала «Кей» и девушка, засветившаяся в новостях, – это один и тот же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.